

Валентина Петроченкова

ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ

Мюнхен-Киев

2014

Примечание к фотографии на обложке:

Не только через фотоаппарат этого старейшего летописца древней Бухары, но и через сердце, прошла вся история его страны. Фотокорреспондент, член Союза журналистов СССР, ШАРИФ МУМИНОВ в сотнях уникальнейших снимков увековечил историю родного края. Без устали трудился он в мирные годы созидания, а также во время Второй мировой войны, когда Узбекистан стал родным домом не только двухстам тысячам спасённых детей разных национальностей со всего Советского Союза, но и сотням эвакуированных семей...

Многое стирает время. Но жива память о самом дорогом и незабываемом, запечатлённом на снимках Шарифа Муминова.

Валентина Петроченкова

ОСТАЛОСЬ ЗА КАДРОМ

УЗБЕКСКОМУ НАРОДУ, СПАСШЕМУ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ВОСПИТАВШЕМУ В СВОИХ
СЕМЬЯХ ОКОЛО ДВУХСОТ ТЫСЯЧ ДЕТЕЙ РАЗНЫХ
НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ СО ВСЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА -

П О С В Я Щ А Е Т С Я.

* * *

Растопит время вечности года,
Забрав с собою радости и беды.
Подчас уносит что-то навсегда,
Не дав дожидаться светлых дней Победы.

Но человеческая Доброта -
Вне времени, вне мудрости пророка,
Не подлежит забвенью никогда,
Не старится и не имеет срока.

В. Петроченкова.

Редактор: Олег Вайншейн,
Художник: Елена Микушева, - рисунки из её книги
«Атрибуты вечности».
Компьютерная вёрстка - О. Вайнштейна

А В Т О Р Б Л А Г О Д А Р И Т:

Георгия Шкляревского, Елену Микушеву, Эркина Латипова,
Акмала Хайриддинова, Валентину Маркову, Ольгу Гарицкую,
Анатолия Золозова, Юрия Суярко,
Марьям Муминову -
за возможность выхода в свет очерков о «детях войны».

Мюнхен - Киев
2014

Творческая мастерская «Озарение»

Германия, Мюнхен. Тел.: +4989 - 79 89 33 97 - Валентина
Петроченкова.
Украина, Киев. Тел: +38044 - 425 39 87 - Виталий Щур.

Предисловие

На фотографии: АКМАЛ ХАЙРИДДИНОВ, бывший второй секретарь Гиждуванского райкома комсомола, вложивший много усилий и душевного тепла в страницы этой книги о бессмертном подвиге узбекского народа.

В жизни многое «остаётся за кадром», как говорят киношники, и чаще всего самое интересное или самое важное... Неожиданностью был для меня телефонный звонок из Киева, в то время, когда я отбирала материалы для Укркинохроники в Красногорском Госархиве в Подмоскowie. Разыскивал меня кинорежиссёр АНАТОЛИЙ ЗОЛОЗОВ. Знакомы мы лично не были и поэтому это удивило меня. Оказалось, что его заинтересовали наброски моих очерков о «ДЕТЯХ ВОЙНЫ», спасённых узбекским народом. Некоторые из них он решил отобрать для своего будущего документального фильма. Материала было более, чем достаточно, а экранного времени, как обычно, мало. Анатолий Фёдорович хотел посоветоваться, что именно было бы лучше выбрать для фильма.

Через неделю я вернулась в Киев, в мою родную Укркинохронику. Мы встретились с А.Золозовым, перечитывали, написанное мной во время командировки в Узбекистан, строки, пропитанные надеждой, радостью и болью... Нелегко было выбрать из множества судеб самые подходящие, так как каждая из них достойна сопереживания многотысячной аудитории кинозрителей.

Мне хотелось, чтобы центральным эпизодом фильма стал Усто КОМИЛ (мастер Комил). Я вспомнила встречу с этим удивительным человеком, с его семьёй, о том, как он читал наизусть на узбекском языке «Заповіт» Тараса

Шевченко и на русском поэзию Александра Пушкина, восхищался повестями Михаила Лермонтова... Я имела возможность полюбоваться домами, которые он построил...

Но Анатолий Фёдорович для ключевого эпизода избрал ХУДАЙБЕРДЫ ГАДОЕВА, хотя сам он не ездил со мной в Узбекистан и не видел лично никого из них. Свой настойчивый выбор он объяснял своим интуитивным предчувствием. « Вы знаете, Валентина Павловна, - сказал он мне, - я чувствую, что у Худайберды есть на Украине сестра»... И хотя в моём тексте такого не просматривлось, я всё же решила поверить интуиции режиссёра. Для будущего фильма мы взяли ещё несколько судеб . А центральным эпизодом стало повествование о Худайберды Гадоеве.

Редактору ВАЛЕНТИНЕ МАРКОВОЙ, написанные мной очерки о «детях войны» пришлись по душе и она охотно поддержала нас своим соучастием. Вскоре я написала сценарий, по которому режиссёр Анатолий Золозов вместе с оператором Александром Лесовым сняли на Укркинохронике короткометражный фильм «ДОЛГОЕ ЭХО ВОЙНЫ».

Фильм понравился кинозрителям. Волна отзывов прокатилась в республиканской прессе. О нём много писали. Он поднимал с глубин души на поверхность самые сокровенные человеческие чувства. Журнал «UKRAINE» №12-1988, выходящий в Канаде, США, Англии, Индии, Австралии на английском языке, напечатал портрет Анатолия Золозова, фотографии

некоторых эпизодов фильма, интервью с режиссёром на пяти страницах, где он рассказывает о кинофильме, о судьбах «детей войны», О МИРНОМ ПОДВИГЕ ИХ СПАСИТЕЛЕЙ. Журналисты писали и ждали продолжения этой темы, но в кинематографе зачастую бывает не так легко осуществить желаемое. А в данном случае тем более. Дирекция студии осталась нами не довольна. Директор упрекал нас с А. Золозовым в том, что мы организовали даже посещение Украины Худайберды Гадоевым тех мест, откуда с детдомовскими детьми он был вывезен в Узбекистан, но он никого не узнал и никто из его родных не нашёлся... Сенсация не состоялась, а глубина печали не дошла до сердца директора.

И вдруг, нас с А. Золозовым вызывают в производственный отдел студии. Прибыло нам письмо из Государственного комитета по телевидению и радиовещанию. Главная редакция кинопрограмм Украинского телевидения после демонстрации фильма «Долгое эхо войны» получила ПИСЬМО из села Молодёжное Долинского района Кировоградской области от ПЕНГРИНЫ НИНЫ ИВАНОВНЫ о том, что в одном из эпизодов фильма ОНА УЗНАЛА СВОЕГО БРАТА ЛЕОНИДА ЩЕРБАЧЕНКО – нынешнего ХУДАЙБЕРДЫ ГАДЮЕВА. Их семья потеряла его во время войны. Вот она - интуиция режиссёра, которой я поверила при выборе эпизодов фильма! Вместе с этим письмом редакция телевидения прислала нам письмо Нины Ивановны, где она рассказывает о том, что в День

Победы – 9 мая 1988 года её муж позвал к телевизору: «Нина, смотри, это ж дед Иван, твоего отца показывают...» Но отца уже не было в живых и не могли его показывать. А потом она услышала имя и фамилию брата. Он очень похож на отца... Завязалась у меня переписка с Ниной Ивановной. Она просила узбекский адрес брата. Я дала адрес брата с тем условием, что они не встретятся раньше, чем будет назначена киносъёмка. А время не ждало. Анатолий Золозов не был свободен и не мог снимать предстоящую встречу Нины Ивановны с братом.

ВАЛЕНТИНА МАРКОВА И Я НАПИСАЛИ СЦЕНАРИЙ «ХУДАЙБЕРДЫ - ПОСЛАННЫЙ БОГОМ» и обратились к редактору Укртелефильма ОЛЬГЕ ГАРИЦКОЙ. ПРИ ЕЁ АКТИВНОМ СОДЕЙСТВИИ известный режиссёр ЮРИЙ СУЯРКО с оператором ИГОРЕМ ЯРОВЕНКО СНЯЛИ ЭТУ ТРОГАТЕЛЬНУЮ ВСТРЕЧУ брата с сестрой через полстолетия, которым ОБЩАТЬСЯ ПРИШЛОСЬ ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА. ИМ СТАЛ, сопровождавший Худайберды на Украину, ЭРКИН БАБАЖАНОВИЧ ЛАТИПОВ, РУКОВОДИТЕЛЬ, организованного им, КЛУБА «ПОИСК». Невозможно забыть финал фильма. Снежная зима на Кировоградщине. Нина Ивановна вместе с братом приезжают посетить могилу матери. Худайберды кладёт на, засыпанную снегом, могилу букет красных гвоздик и, стоя на коленях, перед христианским крестом читает на арабском языке мусульманскую молитву... Изучая материалы для будущих

документальных фильмов, мне, как журналисту, немало довелось поехать по отдалённым кишлакам Бухарской области, куда в начале войны только украинских детей было эвакуировано более пяти тысяч. А со всего бывшего Советского Союза Узбекистан принял и воспитал около двухсот тысяч детей разных национальностей.

Суровой зимой 1941 – 1942 года под бомбёжками бесконечно шли эшалоны с детьми в Узбекистан. Не хватало детдомов, тепла, еды, одежды для такого огромного количества детей. И тогда Узбекское правительство нашло выход из создавшегося тяжёлого положения. Оно обратилось с просьбой к своему народу - разобрать детей по семьям. У большинства из этих детей не нашлись родители. Так в Ташкенте известная СЕМЬЯ (а таких было немало) кузнеца ШОАХМЕДА ШАМАХМУДОВА и его жены БАХРИ АКРАМОВОЙ воспитала 14 детей восьми национальностей. В ТАШКЕНТЕ им установлен памятник. Он символичен. ЭТО ПАМЯТНИК МИРНОМУ ПОДВИГУ УЗБЕКСКОГО НАРОДА. Нередко можно встретить в Узбекистане голубоглазых узбеков...

Многие интересные судьбы «детей войны», взволновавшие меня во время поездки по Бухарской области, остались за кадром, не вошли в кинофильмы... Но, пережитая вместе с ними, боль навсегда осталась в кадре моей жизни.

О некоторых судьбах этих детей, спасённых узбекским народом и воспитанных в их семьях, я хочу рассказать читателям.

Эркин ака

*Примечание к фотографии:
ФЁДОР ГРИГОРЬЕВИЧ КУЛЬЧАНОВСКИЙ -
(ЮЛДАШ ШАМАХМУДОВ) благодарит
поисковцев за встречу со своей 104-летней
БАБУШКОЙ ДАРЬЕЙ. Крайний справа, рядом с
Фёдором - руководитель Гиждуванского клуба
«Поиск» ЛАТИПОВ ЭРКИН БАБАЖАНОВИЧ.*

Не зря говорят в Гиждуване, что на любом из множества писем, которые на протяжении многих лет прибывали в этот город Бухарской области со всего бывшего Советского Союза, достаточно было написать: УЗБЕКИСТАН, ЛАТИПОВУ.

Кто этот человек, на которого, затерявшиеся в лабиринтах жизни, «ДЕТИ ВОЙНЫ» смотрят, как на спасителя, на единственную теплившуюся надежду отыскать корни своего родства?

После окончания Самаркандского университета имени Алишера Навои, Эркина Бабажановича Латипова пригласили работать учителем географии в Гиждуванскую школу имени Эрнста Тельмана. На протяжении многих лет читал он лекции в Областном институте усовершенствования учителей в Бухарской области. Имеет много напечатанных работ, связанных с педагогической практикой и статей в областной, республиканской и бывшей союзной прессе.

В 1975 году, на базе своего краеведческого кружка, Латипов Э.Б. создал клуб «ПОИСК» имени Героя Советского Союза, национального героя Франции Василия Порики из восьми отрядов различных профилей по изучению родного края, из учеников пятых – десятых классов. Ребята с энтузиазмом взялись за дело. Каждый отряд решил любой объект изучать детально со всех сторон. А затем, добытые сведения сводятся вместе и становятся материалами отрядных газет и боевых листов под названиями: «Знаете ли вы?», «Память», «Вокруг света», «Глобус», «Юный краевед», «Охранник природы»...

Самая активная работа клуба «Поиск» - это темы: «Дети войны», «Нет неизвестных могил», «Письма с фронта», «Помощь семьям ветеранов»...

Эти темы привлекли внимание республиканского телевидения, которое довольно часто стало показывать и рассказывать зрителям о тех важных делах, которыми они занимаются. И это стало своеобразной помощью ребятам, особенно в тематике «Дети войны».

К поискам, затерявшихся детей во время войны, следопытов привёл случай. 19 января 1982 года в газету «Совет Узбекистони» обратилась восьмидесятилетняя эстонская женщина ЛЕОНИЛА ГУСТАВОВНА ЛАУК из города Тарту. ОНА РАЗЫСКИВАЛА СВОЕГО СЫНА Леонхарда Эдуардовича Лаук, которого потеряла в 1941 году. Вскоре она получила ответ от Тухтаой Джумаевой о том, что в их колхозе работает эстонец Луна Умедов.

Учитель из соседней школы Тураб Асланов, зная о поисках следопытов клуба «Поиск», обратился с письмом Леонилы Густавовны к Латипову Эркину Бабажановичу. Завязалась переписка. Луна Умедов оказался тем утерянным сыном Леонхардом, которого мать нашла через 41 год. Об этой встрече 5 декабря 1982 года писала газета «Комсомольская правда» в статье под названием «Сын двух матерей». В Казахстане эту статью прочёл Вольдемар Эдуардович Лаук. Через год братья встретились в Тарту.

Тогда о них, а также о Валентине Петровне Пападченко с Украины, о братьях Лунёвых и других семьях, воспитанных и проживающих в Бухарской области, которым Гиждуванский клуб «Поиск» помог разыскать родных, «УЗБЕКТЕЛЕФИЛЬМ» снял

документальную кинокартину «БЕРЕГИ НАДЕЖДУ». А в 1985 году Узбекская студия хроникально-документальных фильмов сняла фильм «40 ЛЕТ ПОСЛЕ ДЕТСТВА» О ГИЖДУВАНСКОМ КЛУБЕ «ПОИСК». Более трёхсот судеб «детей войны» стали близкими для следопытов. Благодаря их стараниям и кропотливой работе время от времени находят друг друга родные люди.

Такой клуб был первым и долгое время единственным в Советском Союзе.

Эркин Бабажанович Латипов лично ездил по делам поиска в Киев, Харьков, Изюм, Красноград, Донецк, Енакиево, Луцк и в другие районы Волынской и Харьковской области, а также в Тарту, Кохтла Ярве, Петербург... Нескольким десяткам семей клуб «Поиск» помог найти родных и друзей.

ЭРКИН АКА - то есть братом , НАЗЫВАЮТ эти люди ЛАТИПОВА и с огромной радостью встречают его, как самого родного человека.

Украинец – сын Шамахмудовых

На фотографии: Кузнец ШОАХМЕД ШАМАХМУДОВ и его супруга БАХРИ, усыновившие и воспитавшие 14 детей 8-ми национальностей.

С ФЁДОРОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ КУЛЬЧАНОВСКИМ впервые МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ ВО ВРЕМЯ СЪЁМКИ документального фильма «ДОЛГОЕ ЭХО ВОЙНЫ» на Украине, на его Родине, в селе Письменное на Днепропетровщине. Там, возле дома своего детства, Фёдор рассказывал мне об одном из счастливейших дней своей жизни, О ВСТРЕЧЕ С БАБУШКОЙ ДАРЬЕЙ АЛЕКСЕЕВНОЙ КУЛЬЧАНОВСКОЙ ЧЕРЕЗ 45 ЛЕТ после того, как они потеряли друг друга во время войны. Об этом писала газета «Правда» 30 апреля 1986 года в очерке «Возвращение из 41-го». Корреспонденты запечатлели этот незабываемый день на уникальнейших фотоснимках.

Я смотрю на Фёдора, на эти снимки, на его тётю, Веру Ивановну, которая была с нами рядом во время съёмки фильма, вижу, как похожи между собой эти родные люди... НО ЕСТЬ СХОЖЕСТЬ в лице Фёдора и СО, ставшими родными ему людьми, ШОАХМЕДОМ ШАМАХМУДОВЫМ И БАХРИ АКРАМОВОЙ, ЗАМЕНИВШИХ ЕМУ ОТЦА И МАТЬ.

В столице Узбекистана, В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ, на площади Дружбы народов сооружён ПАМЯТНИК СЕМЬЕ КУЗНЕЦА ШОАХМЕДА ШАМАХМУДОВА, которая вырастила и воспитала 14 детей восьми национальностей. ОДНИМ ИЗ ПРИЁМНЫХ СЫНОВЕЙ ЭТОЙ СЕМЬИ БЫЛ УКРАИНСКИЙ МАЛЬЧИК ФЕДЯ.

В ДЕТСТВЕ и в школьные годы у Феде было другое имя. ЗВАЛИ ЕГО ЮЛДАШЕМ ШАМАХМУДОВЫМ.

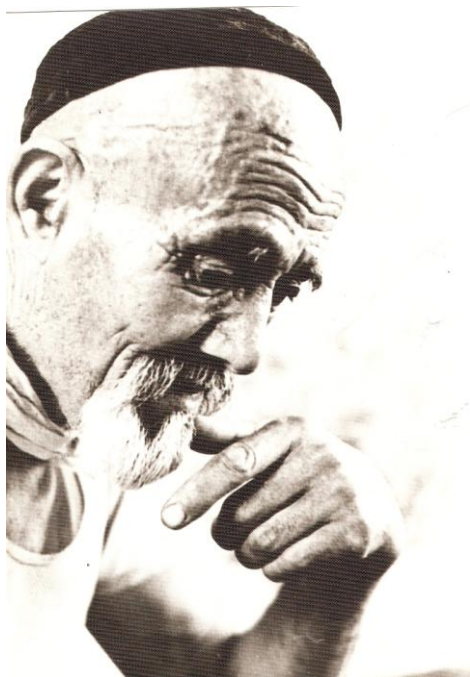
Когда Юлдаш закончил школу и решил поступать в институт, узбекские родители открыли ему тайну,

дали ему метрику с его настоящей фамилией. Они навсегда остались для него родными, дорогими людьми. И всё же ему захотелось узнать, откуда он родом, жив ли кто-либо из родственников. Фамилия Фёдора в детдомовских списках трижды исправлялась, и это усложняло поиск.

Бабушка Фёдора Дарья Алексеевна в детстве заменила мальчику родных. Она не могла смириться с тем, что внук потерялся во время оккупации Украины. Подавала в розыск, и всегда верила, что Федя жив, ждала его возвращения.

КОГДА в Бухарской области Гиждуванский КЛУБ «ПОИСК», во главе с учителем географии ЭРКИНОМ БАБАЖАНОВИЧЕЧ ЛАТИПОВЫМ РАЗЫСКАЛ ФЕДЮ (уже ФЁДОРА ГРИГОРЬЕВИЧА КУЛЬЧАНОВСКОГО – горного инженера) - ДАРЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ БЫЛО 104 ГОДА.

«Когда машина остановилась возле бабушкиного дома,- рассказывает Фёдор Григорьевич,- и я увидел её, бросился к ней навстречу, обнимаю, целую и говорю: «Бабунечка, мы больше никогда не потеряемся...» Через полгода бабушка Дарья умерла. И думается, не могла бы она уйти из жизни раньше, не увидев своего внука.

*Кузнец
Шоахмед Шамахмудов.*

*Фёдор со своей бабушкой
Дарьей Алексеевной Кульчановской.*

Через 45 лет Фёдор встретился со своей бабушкой Дарьей.

Фёдор Кульчановский в родном селе Письменное со своей тётёй Верой Ивановной.

Алексеева Ира - Дочь Абдулаевых

Рисунок Елены Микушевой - Богородица.

Когда молодая узбечка Аманова, выбрав себе в детдоме №13 города Гиждувана Бухарской области девочку, подняла её на руки, Ире запомнился узорчатый забор, памятник (это был памятник Ворошилову), какая-то игрушка и конфеты, которые дала ей, прижавшая её к себе, женщина. Ире было тогда около двух лет. С тех пор помнится ей сильная боль в ноге, видимо, в дороге, в тесноте, кто-то отсидел ей ногу. НАЗВАЛА АМАНОВА ДЕВОЧКУ ВЕРОЙ, ХОТЯ ПОЗЖЕ СКАЗАЛА, ЧТО ОНА АЛЕКСЕЕВА ИРА С УКРАИНЫ.

Недолго пришлось бездетной женщине радоваться. Беда пришла, когда Ире было три годика. Она неожиданно осталась одна.

Я хочу позволить себе сделать ОТСТУПЛЕНИЕ будто бы не по теме, но оно в какой-то степени затрагивает судьбу людей, о которых я рассказываю, СУДЬБУ АМАНОВОЙ, первой узбекской матери Иры Алексеевой.

При всём величии, что касалось глобальных проблем, в бывшем Советском государстве случалось всякое... И эти проблемы, трактуя по-своему суровую букву Закона, зачастую решали подлые подхалимы, прихлебатели и мстители за своё, ранее утерянное, добро. Они усердно поставляли государству бесплатную рабочую силу методом «пришивания» невинным людям ярлыков «врагов народа»... В ссылках, концлагерях многие не выдерживали и умирали. А неугодных,- расстреливали без суда и следствия задолго до окончания срока заключения. А со временем родные пострадавшего могли лишь получить документ о реабилитации бывшего осуждённого «за отсутствием состава

преступления»... И как писал Роберт Рождественский в своей поэме «Письмо в тридцатый век»: «А были и тюрьмы. О, СКОЛЬКО НЕПРАВЕДНЫХ ТЮРЕМ!»...

Упрятали в тюрьму и домоуправа Аманову. Вот тогда, как рассказывала мне ВЕРА ЗИЯЕВА (ОНА ЖЕ ИРА АЛЕКСЕЕВА), пришла за ней её ВТОРАЯ МАМА. Тоже бездетная женщина, татарка АРИФА САДЫКОВНА АБДУЛЛАЕВА. Было это в августе 1943 года.

Вера говорит – «вторая мама». Никто из «детей войны» не назвал никогда своих новых родителей мачехой или отчимом. Они всегда, даже для тех, у кого нашлись родители, потерявшие их во время войны, всё равно оставались для них самыми дорогими, родными людьми.

И ещё мне рассказывали, что в Узбекистане, если муж с женой не имеют детей, не принято говорить о женщине: «Она бездетная». Говорят: «Они бездетные».

Работала Арифа Садыковна, как и Аманова, домоуправом. Её муж узбек НАСУРУЛЛО АБДУЛЛАЕВ был учителем. А в то время, когда в их семье появилась Вера, муж Ариффы находился в рабочем батальоне. Детей у них не было. Написала Арифа письмо мужу. Насурулло очень обрадовался, что у них будет дочь. Через год вернулся он домой. У Веры появился отец, ласковый и добрый.

«Папа очень любил меня»,- вспоминает Вера. – Сначала я одна была у них. А, когда умерла первая папина жена, то его старшая дочь Сайда стала жить с нами. Так у меня появилась сестричка. А вскоре появился двухлетний братишка - Фаат. Папа с мамой взяли на воспитание племянника, сына маминой

сестры Фатимы. И у нас получилась, как у других, хорошая дружная семья».

Когда пришло время идти в школу, родители, учитывая происхождение девочки, отдали Веру в русскую школу имени Пушкина. Но все вокруг говорили по-узбекски и ей было трудно учиться на русском. А когда с четвёртого класса перевели в узбекскую школу, стала учиться на «отлично», хотя и сейчас хорошо владеет русским.

После школы, Вера закончила Бухарское медицинское училище, акушерское отделение. Ей памятен день, когда пришлось принимать первые роды. Сначала растерялась, но вдруг как-то сразу сосредоточилась, вспомнила, как можно помочь роженице и благополучно приняла в свои руки, только что появившегося на свет, человека. А со временем ей доверяли сложные патологические роды.

В 1960 году Вера вышла замуж за ЗИЯЕВА ИБРАГИМА БАБАКУЛОВИЧА, местного шофёра. Шестеро детей имеют Зияевы. Старшего сына называли Ильмир, что означает – мир во всём мире. Мир - самое главное для каждого человека, тем более для «детей войны».

Ильмир и второй сын Ильхом армейскую службу проходили в Москве. А вот за Улугбека пришлось родным переволноваться. Полтора года прослужил он в Афганистане. Несказанной была радость в семье, когда Улугбек в составе шести полков вернулся, сперва в Белоруссию, а затем через полгода домой, в Узбекистан.

Младшего сына называли Бабакул в честь деда (по отцу), погибшего в 1943 году в Саратове. Детсад, который посещал Бабакул, находился на том месте,

где был детдом, куда ребёнком привезли его маму Иру Алексееву. Будто сама земля впитала в себя родной язык сирот и он передался через поколение, став родным Бабакулу. Это заметила воспитательница детсада и мальчика отдали учиться в русскую школу имени Пушкина.

Самый младший ребёнок в семье Зияевых девочка. Зовут её Умирнисо, что означает – живи долго, Нисо.

Во время моего пребывания в Узбекистане, Вера работала медсестрой в Гиждуванском тубдиспансере. Не только Почётные грамоты Райздрава украшают трудовую биографию Веры Зияевой. Многие в городе знают и любят её за добросовестность, профессионализм, за умение прийти на помощь своевременно.

У неё замечательная семья, любимый муж и ласковые дети. Но печалится Вера за своим узбекским отцом, которого уже нет. Сорок лет проучительствовал он, был Заслуженным учителем республики, директором школы. Но была жива Верина мама Арифа.

Всё, казалось бы, хорошо в жизни Веры. Но, когда говорит что никого из своих родных не нашла на Украине, она плачет. Умирнисо тихонько подошла и подала платочек, жалобно заглядывая в глаза матери. «Смотрю по телевизору передачи с Украины, - говорит Вера, - земляки, думаю, я на них похожа... А где же мои родные? Хоть бы кто-нибудь нашёлся...» И снова безутешные слёзы стекают по её щекам. Она рассказывает Латипову Э.Б. об одинаковом у неё и дочки родимом коричневом узорчатом пятне, что сверху на правой ноге. Смотрит на него с надеждой и

хочет поверить в то, что найдётся кто-нибудь родной на Украине.

Усто Комил

Рисунок Елены Микушевой - Рождение в Духе.

... Вечерело. Наша машина остановилась у двора, где на воротах сверху яркими красками написано: «Этот дом строил мастер Комил». Далеко за пределами кишлака Адок знают ФОЗИЛОВА КОМИЛА. «УСТО КОМИЛ», что означает плотник или МАСТЕР КОМИЛ, так с уважением называют его.

На сигнал машины отворилась калитка и вышла симпатичная женщина небольшого роста. Учтиво поклонившись, поздоровалась. По узбекскому обычаю, сразу спросила,- как мы живы-здоровы? И сразу пригласила войти. Это - МАЙРАМ – супруга Комила. Выбежали навстречу их сыновья - школьники и уже внимательно смотрели,- чем бы прислужиться гостям. И хотя им никто ничего не сказал, один уже взял подержать мою сумочку, второй нёс слить на руки тёплую воду, третий - полотенце. Это первая необходимость, когда попадаешь в узбекскую семью, так как гостей сразу же ведут в гостиную к столу, где начинается чаепитие и беседы.

Комила во дворе не было. Он строил дом соседу. Ребята побежали его позвать. Через несколько минут пришёл улыбающийся человек с типично славянским лицом. Это и был Комил. Он ещё не знал кто его гости, но доброжелательно приглашал в дом, СПРАШИВАЛ НАС, ХОТИМ ЛИ МЫ ПОСИДЕТЬ У САНДАЛА. Я ГОВОРЮ «МЫ», так как в моих поездках в Узбекистане СОПРОВОЖДАЛ МЕНЯ второй секретарь Гиждуванского райкома комсомола АКМАЛ ХАЙРИДДИНОВ, вложивший много усилий и душевного тепла в это нелёгкое дело. Мы с удовольствием приняли приглашение хозяев.

Мы вошли в просторную, пустую комнату, застеленную коврами, где посреди комнаты было отверстие для горящих углей. Майрам уже несла жар, засыпала в сандал, в это отверстие в полу. Поверх сандала хозяева поставили низкий складной стол, покрыв его тёплым ватным одеялом и подложив каждому под руки для удобства подушки. Время года было предзимнее, холодное.

Отворилась дверь и вошла стройная пожилая женщина с красивым овальным лицом и большими тёмно-кариими глазами, в цветастом платке, в национальной узбекской одежде. Это - МАТЬ КОМИЛА МИАССАР. Она живёт с семьёй Комила.

Поздоровавшись, она положила поверх сандала, завернутые в скатёрку, две огромные, полуметровые в диаметре, лепёшки. А через пару минут, перед нами, как на скатерти-самобранке, появились восточные сладости с зелёным ароматным чаем. Хозяева, протягивая нам пиалы с чаем, прикладывали руку к сердцу. Так, по их обычаю, подчёркивается уважение к гостю.

Комил хорошо говорил по-русски, и поэтому разговор завязался легко и непринуждённо. О своём появлении в этой семье Комил знал от своих родителей-узбеков, а теперь рассказывал нам с помощью мамы.

Холодным ноябрьским днём 1941 года прибыл из Украины поезд с детьми в Узбекистан на станцию Кизыл-ТЕПО. Оттуда детей грузили на арбы и развозили по колхозам. Привезли детей и в кишлак Адок.

ЮСУПОВ ФОЗИЛ был тогда председателем сельсовета Бульды. Он приехал на лошади и

агитировал колхозников разбирать детей по семьям. Когда всех разобрали, СМОТРИТ, - ОДИН ГРУДНОЙ РЕБЁНОК ОСТАЛСЯ. ЛЮДИ БОЯЛИСЬ ВЗЯТЬ ЕГО. ВЗЯЛ ОН ЭТОТ КОМОЧЕК В ОДЕЯЛЬЦЕ И ПРИНЁС СВОЕЙ ЖЕНЕ МИАССАР. ТАК И ПОЯВИЛСЯ У НИХ СЫН, КОТОРОГО НАЗВАЛИ КОМИЛОМ.

Миассар, сидя с нами у сандала, ласково глядя на сына, показывает каким малюсеньким он был. Рассказывает, как отхаживали его коровьим парным молоком. Еле выходили.

Четверо сыновей имел Фозил. Старшему, Рахиму, было тогда два годика, когда в их семье появился Комил. Они потом в одну школу ходили. Братишка Мирджон на четырнадцать лет младше. А самый меньший - Бахтиор родился, когда Комил уже закончил десять классов. Любят братья друг друга. В этом было легко убедиться, глядя на их взаимоотношение. Пока мы беседовали, подоспели к нашей беседе и братья. Мне показалось сперва как-то странным, что Мирджон очень похож на русского. Видимо, во многих семьях здесь всё перемешалось...

Хорошо учился в школе Комил. Родные хотели, чтобы он после окончания школы продолжил учёбу в институте. Но неожиданно приболел отец, семья прибавилась, а домишко был старенький... Вот тогда-то впервые испытал себя в строительном деле Комил. Хотя нигде не учился строительному мастерству, два дома построил - маме и себе.

А тут, подошло время идти в армию. Три года служил в Баку, связистом был. А когда вернулся, закончил Бухарское училище механизаторов. Некоторое время работал механизатором. Но немного

позже, всё же вернулся к строительству. Много домов построил Комил, родным и друзьям - бесплатно, как и принято в сёлах помогать друг другу.

- Построю дом,- говорит Комил,- через пару дней зайду, люди радуются и я - вместе с ними. А иной раз иду мимо и слышу, как люди с уважением говорят: «Этот дом строил усто Комил».

СЕМЕРО ДЕТЕЙ ИМЕЮТ КОМИЛ И МАЙРАМ. Пока в кишлаке не было детсадика, Комил сам подготавливал своих детей к школе, учил их читать и считать. А когда стали подростать, Комил с супругой стараются дать возможность детям и после школы продолжать учёбу. Старшая дочь Майсара закончила Бухарский техникум лёгкой промышленности. Мы имели возможность полюбоваться её художественными работами. Её вышивки и аппликации украшают стены гостиной. Художественными наклонностями обладает и сын Сабир. Он закончил Бухарское художественное училище.

- По телевизору я всегда СМОТРЮ документальные ФИЛЬМЫ о тяжёлых боях на Украине, - ГОВОРИТ КОМИЛ. – И всегда ДУМАЮ,- НАШ НАРОД МОГ ВЫСТОЯТЬ ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ЕСТЬ ТАКИЕ ЛЮДИ, как мои родители узбеки, которые вырастили меня, отдавая хлеб, тепло и ласку, как родному. Бывало, скажу папе, что сапоги порвались, через день –два купит. Попрошу два рубля, даст пять. Любил меня очень. А мама и сейчас чуть задержусь, высматривает, ждёт, волнуется. Восемнадцать лет назад умирал мой отец. У нас перед смертью зовут всегда самого любимого человека. Отец позвал меня и, умирая у меня на

руках, сказал: «Комил – джан, денег у меня нет ни копейки. Ты знаешь – жить было трудно. Я старался, как мог, чтобы всё у вас было, и остался людям должен тысячу восемьсот рублей. Расплатись с людьми за меня, сынок». Мне тогда пришлось одолжить, но я за два месяца расплатился. –

Когда наш разговор удаляется от грустных воспоминаний, Комил много шутит и смеётся. Глядя в эти удивительно прозрачные, светлые глаза, поневоле ловишь себя на мысли, что этот человек щедр, как Земля, на которой он вырос и, очевидно, ему неведомо, что такое злость. И когда я всё же решила спросить его об этом, он не сразу понял, о чём я спрашиваю, а затем сказал, что на детей иногда сердится. Но когда мы увидели, с каким теплом и лаской смотрит Миассар на своего сына Комила, стало понятно, что в глубине его, по-детски наивных прозрачных, глаз отражается доброта его узбекских родителей.

Наше внимание привлёк портрет узбекского поэта Алишера Навои, вышитый старшей дочерью Комила. И КОМИЛ вдруг НАЧАЛ ЧИТАТЬ СТИХИ. Непонятный для меня узбекский язык, вдруг становился близким, родным. Я в начале не поняла, но чувство не обмануло, – это был «Заповіт» ТАРАСА ШЕВЧЕНКО. А затем на русском он читал ПУШКИНА «Во глубине сибирских руд». Вспоминал полюбившиеся ему повести ЛЕРМОНТОВА. Мы сидели, как замороженные. А Комил читал вдохновенно, красиво... Он очень любит поэзию, и это видно даже по его глазам, поэтическим, добрым глазам настоящего строителя, украшающего Землю, ставшую ему родной.

Семья Шараповых

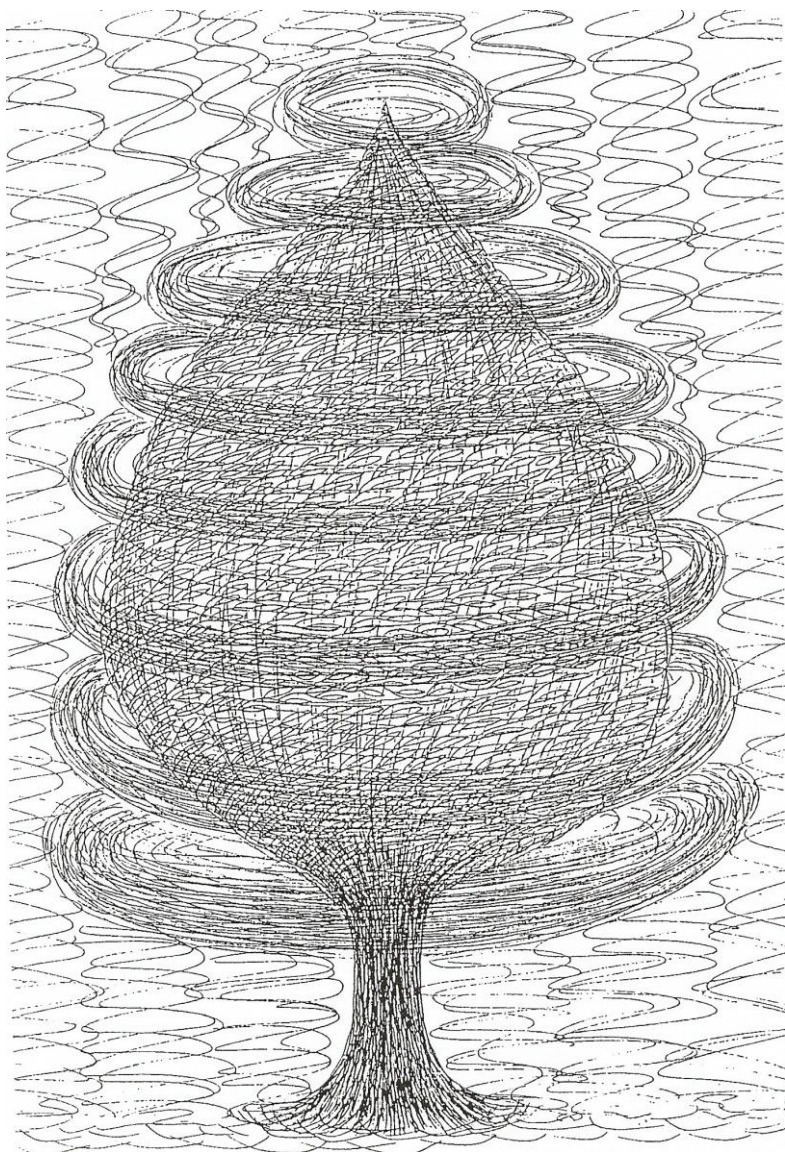

Рисунок Елены Микушевой - Витки жизни.

Когда фашисты заняли Харьковщину, Мишины отец и мать носили в лес, который был недалеко от их села, еду и оружие партизанам. Сыну оставляли еду на печке. **МИШЕ БЫЛО ТОГДА ВОСЕМЬ ЛЕТ.**

Однажды зашли в хату два фашиста. За шиворот стащили Мишу с печки. Один из них придавил мальчика сапогом в грудь к ещё горячей печке, что-то орал, а второй в упор наставил на него ружьё. Но вдруг первый принял ногу и отшвырнул Мишу в угол. Фашисты забрали хлеб и всё, что было съедобного и ушли. Миша замёрз и, перепуганный происшедшим, спрятался в остывшую печь. Когда поздно вечером пришла мать и начала искать сына, он вылез из печи весь в саже и рассказал о случившемся.

Пришёл отец. Посадил Мишу в вещьмешок, перебросив за плечи, и быстрым шагом понёс по направлению к лесу. Мама бежала рядом. Только они приблизились к реке, а сверху на мосту немцы... Миша зашевелился, хотел что-то спросить, но отец вовремя закрыл ему рот. И так, чуть ли ни по шею в воде, прижавшись к брёвнам под мостом, они переждали. Их не увидели.

Возле леса мама прощалась с Мишей. Целовала, плакала, и даже сильно укусила за щеку. **ОТЕЦ ПРИНЁС МАЛЬЧИКА В ДЕТДОМ.** Прилёг с ним на кровать и приспал его.

Утром Миша проснулся один. Увидел перед собой разбитую форточку, бросился бежать. Забежал в пшеницу, стал пробираться сквозь неё, а сверху свист пуль. Заметил это один свой солдат, схватил Мишу за ногу, поймал и привёл в детдом. Там все дети плакали. Расплакался и Миша.

А через два дня уже всех детей усаживали на подводы и повезли на станцию. ОТТУДА - НА ПОЕЗД. Ехали месяца три. Дорогой вражеские самолёты бомбили поезда. Останавливались, разбегались, прятались и снова ехали. Бывало, если невозможно было остановиться, а кто-то умер, то на ходу выбрасывали из поезда и ехали дальше. Воды давали по глоточку. По крохам на всех делили еду, хотели, чтоб все выжили.

По дороге подбирали раненых. Среди них был один солдат без обеих ног, весь в окровавленных бинтах. Миша поднимал его голову, чтобы тот смог глотнуть воды. Но солдат много потерял крови и умер.

ПРИВЕЗЛИ ДЕТЕЙ В УЗБЕКИСТАН НА СТАНЦИЮ КИЗЫЛ-ТЭПО. Посадили на подводу около тридцати человек и повезли в Гиждуванский детдом. Оттуда детей раздавали по колхозам. Приехал председатель колхоза «Правда» Солиев Джура и взял: Мишу, семилетних Жору и Зину, пятилетнего Сано, Четырёхлетнюю девочку Валю Попадченко, шестилетнюю Ларису Лунёву и пятилетнюю Валю (Джураеву). Валю Попадченко он отдал на воспитание своим родным девяностолетнему отцу Солиеву Турсуну и восьмидесятишестилетней маме Солиевой Муновар.

МИШУ УСЫНОВИЛ бригадир колхоза сорокашестилетний ШАРАПОВ КУРГАН ОХУНОВИЧ. ДАЛ ЕМУ СВОЮ ФАМИЛИЮ И НАЗВАЛ ШУКУРОМ. ВТОРОЙ ЕГО МАМОЙ СТАЛА ЖЕНА КУРБАНА РУЗИБИБИ. В то время они имели двадцатилетнюю дочь Тулу и пятилетнего сына Эркина. Шукур стал их третьим ребёнком. Больше в их семье детей не было. Его

вторая мама была дояркой в колхозе. Доила тридцать коров. Шукур, как мог, помогал ей. Через два года Рузибиби умерла.

Подружился Шукур с маленьким братишкой. Но сперва ничего не понимал по-узбекски. Быволо, Эркин плачет, просит что-нибудь, а Шукур не может понять, что хочет малыш. Становится жаль брата и плачет с ним вместе. Родные нашли интересный метод обучать Шукура узбекскому языку. Назовут какой-нибудь предмет и пошлют за ним Шукура к соседям. А им скажут, чтоб не давали, если он забудет название. Он забудет и снова вернётся. Так и освоил свой второй язык.

Не прошло и года, как забрали Джуру Солиева в рабочий батальон в Азербайджан. Старшая дочь Тула осталась вместо родителей дома и вместо отца бригадиром на хлопковом поле. Шукур пас и доил коров. Потом стал чабаном, пас овец.

Дети остались без матери, отец был далеко. Поэтому Шукур окончил всего четыре класса. В 1950 году он закончил Гиждуванскую школу механизаторов и стал трактористом. А в следующем году призвали его в армию. Три года отслужил на Сахалине в Советской Гавани. А когда вернулся в Узбекистан, снова пошёл работать трактористом в свой колхоз.

Родные замечали, что на Шукура поглядывает соседская красавица Мазам, и хотели их поженить. Но Шукуру давно приглянулась его соотечественница ВАЛЯ ПОПАДЧЕНКО. Он, когда ещё был чабаном, катал её на верблюдах. Чтобы не женили на любимой напугал Мазам. И в 1957 году женился на Вале.

Новые родители Вали были старенькие. Умерли, так и не успев порадоваться будущему своей младшей дочери. Отец умер в 1950-м году, а мать - в 1956 м году. Тогда Валя закончила Бухарское педучилище и стала работать старшей пионервожатой в школе имени Алишера Навои. Пройдёт четыре года и их Валя - Валентина Петровна Попадченко (узбекские родные сохранили ей её фамилию, имя и отчество) станет заведующей детсадом, где проработает уважаемым человеком в течение двадцати пяти лет. Медали, Почётные грамоты украсят её трудовую биографию. Об опыте её работы будет выпущен в её районе Личный листок с её портретом. Во многих областных, республиканских и союзных газетах напишут о ней. Но, к сожалению, об этом не узнают её узбекские отец и мать... Разве что сводный брат СОЛИЕВ ДЖУРА, смог гордиться своей сестрой, которую четырёхлетней замученной девчушкой привёз он в тяжёлые годы к своим родным.

ПЯТЕРО ДЕТЕЙ ВЫРОСТИЛИ ШУКУР ШАРАПОВ И ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА ПАПАДЧЕНКО. Старший сын Шухрат пошёл по стопам отца, после окончания училища механизаторов стал работать вместе с отцом трактористом. Армию отслужил на БАМе. Женился на воспитательнице детсада Люде Ахровой. Отец у неё узбек, а мать – русская. Шухрат увлекается музыкой. Он, как и его отец, играет на баяне. Отец любит иногда напевать фронтовые песни «Землянку», «Катюшу»...

Второй сын Шукура и Валентины - Шавкат после службы в Хабаровском крае выучился на машиниста и

водил тепловозы по железнодорожной трассе Каган – Ташкент. А потом потянуло на родную землю, и, как старший брат, после окончания школы механизаторов, стал трактористом,- пополнил семейный экипаж механизаторов. Пока мы беседовали, отворилась дверь и вошла стройная черноглазая девушка, в расшитом узорами, в бардовом бархатном узбекском наряде, в тубетеечке золотого бухарского шитья. Приветливо улыбаясь, она здороваясь с нами, приложила руки к сердцу. Выглядела она, как весенний цветок в подтверждение своему имени. Это жена Шовката – узбечка Гульбохор – Гуля, что в переводе на русский и означает - весенний цветок. Дочь Шараповых Шойра - преподаватель русского языка, замужем за художником, таджиком Ахатом Джураевым. Их сын Шокир армейскую службу проходил на Украине, в Евпатории. Когда вернулся, стал работать электросварщиком. Высокий, златокудрый, с приятной улыбкой и чувством юмора,- выделяется в семье и среди окружающих. Шокир отличный спортсмен. Бег, гири, акробатика – его любимые занятия. Любят слушать друзья его игру на гитаре. Самый младший сын Шараповых Шоим увлекается рисованием.

Хорошая семья у Шараповых, дружная, трудолюбивая, увлекающаяся спортом, художеством, музыкой. Вот только жалеет Шукур, что не смог он найти своих родных на Украине. Его документы были зашиты в пальтишке. Потом мама Рузибиби вынула их и положила в доме под потолком. Когда отец ушёл в рабочий батальон, жили бедно, вынуждены были продать дом. При переезде, в попыхах забыли его

документы, так они и пропали. Возможно, украинские родные всю жизнь искали своего сыночка Мишу, если остались живы после войны. А Миша так и не смог ничего узнать.

Зато посчастливилось его супруге Валентине Попадченко. В 1983 году Гиждуванский клуб «Поиск» помог Вале найти две её сестры в городе Харькове – Лиду Павлову и Галину Быстрик. Валя с Шукуром ездили к ним дважды. Первый раз в командировку, когда «Узбектелефильм» снимал документальную кинокартину «Берегите надежду» о «детях войны». Второй раз - через год во время отпуска. Сёстры рассказали, что их мать Лариса Петровна Попадченко отдала Валю в детдом, когда было очень голодно, две младших дочки оставила у себя. Потом не успела узнать куда вывезли детдом и решила, что дочь погибла.

Готовя киносъёмку, Латипов Эркин Бабажанович ездил к Валиной маме. Застал её в больнице. Она очень плакала и волновалась, как будет смотреть в глаза дочери, ведь она её не отыскала... Но, Валя не успела увидеть мать живой. Приехала после похорон. Один восьмидесятишестилетний старичок на Валиной родине рассказал ей о её отце - Попадченко Петре Григорьевиче. Отец Вали работал в аэропорту Харькова механиком. Когда готовилось к вылету немецкое начальство, он подложил бомбу и самолёт взорвался. Его повесили. Так Валя узнала о своих родных.

Наша беседа затянулась за полночь. Спать не хотелось, окутали воспоминания... За забором залаял Джульбарс, стерегущий трактор старшего

члена семейного экипажа Шукура Шарапова, и напомнил, что завтра рано - в поле...

С кем останется Вера ?

На фотографии:

Вера со своей узбекской мамой Адолад.

Около сорока лет было Умарову Файзулло, когда началась война. На фронт его не взяли. Работал он в хлопководческой бригаде вместе с женой Адолад. На семнадцать лет она была моложе мужа. Любил её очень Файзулло, а вот детей у них не было.

И вдруг, холодным январским днём услышали УМАРОВЫ, что на станцию Кизыл-ТЭПО в Гиждуванский детдом привезли детей, эвакуированных с Украины. Сразу же РЕШИЛИ они и

СЕБЕ ВЗЯТЬ РЕБЁНКА. ПОНРАВИЛАСЬ ИМ СЕМИЛЕТНЯЯ РУСАЯ ДЕВОЧКА. ЗВАЛИ ЕЁ ВЕРА (ЖУРБЕНКО ВЕРА СТЕПАНОВНА). Забрали они из детдома девочку, УДОЧЕРИЛИ, дали другое имя, чтобы осталась она ихней, чтоб не нашёл её никто и не отобрал. И так СТАЛА ОНА РОЗОЙ УМАРОВОЙ.

Закончила Роза семь классов. А когда пришло время подумать о дальнейшей учёбе, надо было оставить родных одних. Розе стало жаль их. Так и пошла она работать в колхоз вместе с отцом и матерью.

Тепло и ласка новых родных стёрли из детской памяти Розы кто она и откуда. Стал родным узбекский язык. Полюбили её подружки. И не думалось, что сама судьба готовится осчастливить её таким СЮРПРИЗОМ, который очень редко припадал на долю «детей войны». И только УМАРОВЫМ от этого сюрприза запала в душу тяжкая ПЕЧАЛЬ. Они очень боялись потерять свою единственную дочь. РОДИТЕЛИ ВЕРЫ, ЖУРБЕНКО СТЕПАН НИКИФОРОВИЧ СО СВОЕЙ СУПРУГОЙ КЛАВДИЕЙ долго искали свою, утерянную на дорогах войны, дочь. В пятидесятых годах поиски привели их к Гиждуванскому детдому, где им ответили, что Веру взяли на воспитание УМАРОВЫ. Они писали Умаровым, но те СКРЫВАЛИ это от Веры и уничтожали письма. Родной стала им Вера. Однако родные с Украины не переставали требовать вернуть Веру. Файзулло решил обратиться за помощью в Гиждуванский райком партии, а потом подал в суд. СУД ВЫНЕС РЕШЕНИЕ, что пусть родные с Украины приедут и, если девочка захочет уйти к ним, пусть

заберут. Умаровы со страхом в сердце ожидали, что будет дальше. Но семья Журбенко в послевоенные годы жила впроголодь и ещё долго не могла собрать денег на такую далёкую дорогу поездку.

РОЗЕ ЖИЛОСЬ БЕСПЕЧНО. НЕ ЗНАЛА ОНА О ТОЙ БОЛИ, КОТОРУЮ НЕСЛИ В СЕРДЦЕ ОБЕ СЕМЬИ ЗА НЕЁ. Но вот однажды ей кто-то сказал, что она с Украины и что её ищут. Подружки познакомили с русскими девочками, и они помогли ей наладить переписку с её родным братом Владимиром Журбенко, который жил в Могилёв-Подольске. Роза была чуткой девочкой. Она понимала, что родные, которые вырастили её, расстроятся и поэтому ничего им не говорила о переписке с братом.

А УМАРОВЫ, тем временем, боялись снова остаться одинокими и, ЖЕЛАЯ ПРИВЯЗАТЬ РОЗУ К СВОЕЙ СЕМЬЕ, ВЗЯЛИ ЕЙ ИЗ БУХАРСКОГО ДЕТДОМА ПЯТИЛЕТНЕГО БРАТИШКУ ШОИМА. На сей раз, уже такого риска не было. Шоим был сиротой. Его отец, вернувшийся с фронта инвалидом, в 1949 году умер. А в 1950 году родился Шоим – четвёртый сын в семье фронтовика. Умерла и его мать, когда мальчику было всего семь месяцев. Старшеньких разобрали родственники, а грудного взять не рискнули. Так и рос он до пяти лет в детдоме, пока забрали и усыновили его Умаровы. Роза очень полюбила своего младшего братишку и помогла маме его вынянчить.

Шёл Розе двадцать четвёртый год. Давно ЗАСМАТРИВАЛСЯ НА НЕЁ бригадир хлопководческой бригады, в которой она трудилась, МУХАММАД КАСЫМОВ. Знакомы они были с детства. РОДНЫЕ ОБРАДОВАЛИСЬ

предстоящему замужеству дочери. И чтобы сберечь семейный очаг, **ВОПРЕКИ УЗБЕКСКИМ ОБЫЧАЯМ**, по которым дочь должна уйти в дом мужа, **УГОВОРИЛИ МУХАММАДА ОСТАТЬСЯ ЖИТЬ У НИХ.**

Уже выросли в семье Касымовых хорошие дети: два сына и четыре дочери. Радуются Умаровы внукам. А **ТА ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ ОНИ ТАК БОЯЛИСЬ, СОСТОЯЛАСЬ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ.** Было это 18 июля 1965 года. Приехала с Украины первая мать Веры с сестрёнкой Олей. Увидев Веру, мать замерла на какое-то мгновение, всматриваясь в приметку, шрам от детских шалостей над правой бровью, а затем бросилась в объятия дочери и обе они плакали и радовались встрече.

На протяжении двадцати дней, когда гостила в Гиждуване, мама Веры с сестрой, ежедневно у кого-нибудь из узбекских родственников в **ЧЕСТЬ ИХ УСТАИВАЛСЯ ПРАЗДНИК. КЛАВДИЯ ЖУРБЕНКО РАССКАЗАЛА, КАК ПОТЕРЯЛА ВЕРУ.** Когда началась война, она рожала четвёртого ребёнка. Сергей, Володя и Вера были в круглосуточном детском садике. Враги вошли в Украину. Муж её был разведчиком. Детей из детсада отправляли в детдом в Винницу, а оттуда в Харьков. Но перед отправкой в Винницу, Володя вытолкнул Сергея в окно, сам выскочил за ним, и они спрятались в подвале. Веру не пустили одну домой. Сразу после родов, выйдя из больницы, мать с малышкой на руках поехала в Винницу искать Веру, Опоздала. Поезд с детьми уже ушёл в Харьков. Наплакалась она тогда и вернулась домой. Мальчиков привели соседи.

Теперь, когда Клава с младшей дочерью гостила в семье Умаровых, их бесконечно одаривали подарками, сердечностью и вниманием. И не было уже страха в их сердцах. Они были уверены, что никуда не уедет от них их Роза. Тем более, что к этому времени родился в её семье четвёртый ребёнок. Крепко вросли украинские корни в узбекскую землю, расцвели и окрепли кроны нового дерева дружбы, ветви новой молодой семьи.

И не могла сердиться Журбенко Клавдия на Умаровых за то, что укрывали от неё дочь. Всё понимало материнское сердце. Наоборот, счастливыми и благодарными глазами смотрела она на людей, которые всей её семье стали родными.

Через год гостевала у Веры её младшая сестра Валя с мужем Алексеем и дочкой Светой.

А через два года Роза с Мухаммадом и младшим годовалым сынишкой поехали на Украину в Могилёв-Подольск. Все родственники встречали гостей из Узбекистана. Родовались вместе с их семьёй соседи. Приехали корреспонденты газет из Винницы, из Киева. Месяц гостили, и каждый день был праздником.

Подрос этим временем младший братишка Розы Шоим. И когда в 1973 году он женился, приехали на свадьбу брата её родные с Украины: отец, мать, братья и сёстры с семьями.

В 1980 году в семье Веры на Украине случилось горе. Умер её отец – Журбенко Степан Никифорович. Вера с мужем ездили хоронить отца. А через два года умер и второй отец Веры – Файзулло Умаров. Спустя ещё два года, ВЕРУ что-то сильно тянуло съездить на Украину. Мухаммад

сердцем ощутил волнение Веры и не возражал. Поехал на Украину с ней вместе. На вокзале их встретили Верины сёстры в чёрных платках. Час назад умерла их мама. Напереживались, наплакались. НО ПОКА что Вера ещё не была полной сиротой. ЖИВА БЫЛА ЕЁ УЗБЕКСКАЯ МАМА УМАРОВА АДОЛАД, КОТОРАЯ РАДОВАЛАСЬ ДЕТЯМ И ВНУКАМ.

Вера Степановна показывает нам вышитые рубашки, скатерти украинским орнаментом, которые её семье подарили на Родине. Вспоминает украинские песни и танцы. Она сердцем чувствовала, что всё это ей родное. ВЕРА ГОВОРИТ О ТОМ , КАК СЧАСТЛИВА ОНА, ЧТО ЕСТЬ НА ЗЕМЛЕ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК УМАРОВЫ, КОТОРЫЕ ВЫРОСТИЛИ ЕЁ. И, КОНЕЧНО ЖЕ, О ТОМ, КАК НУЖЕН НАМ ВСЕМ МИР НА ЗЕМЛЕ, ЧТОБ НИКОГДА НЕ ПОВТОРИЛИСЬ ТЕ СТРАДАНИЯ, КОТОРЫЕ ПРИНЕСЛА ВОЙНА, РАНЫ, КОТОРЫЕ ПО СЕЙ ДЕНЬ КРОВОТОЧАТ В ТЫСЯЧАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СЕРДЕЦ.

Зов псковцев услышали в Норильске

*Рисунок Елены Микушевой: Освящённая
Любовь.*

Не калитку, - ворота спешила отворить РИММА КУШМУРУДОВА, УВИДЕВ НА ПОРОГЕ ДОРОГОГО ГОСТЯ - ЛАТИПОВА ЭРКИНА БАББАЖАНОВИЧА. Дети Риммы бросились обнимать и целовать его, заводя в дом. Они рассказывали ему, что в их доме большая радость. Их брат Юрик вчера вернулся из Украины, из города Белая Церковь, после службы в армии.

В одной из комнат стол был заставлен всевозможными угощениями: фруктами, восточными сладостями, напитками. Дверь не закрывалась, так как всё время приходили друзья Юрика и всего семейства, соседи и просто знакомые попить в дружеском кругу зелёного чая, поговорить, порадоваться вместе.

Погода была прохладная, и нам предложили согреться у сандала, который через пару минут был накрыт досторханом (праздничная узбекская скатерть) с лепёшками, различными ароматными сладостями, фруктами, чаем. Завязалась непринуждённая дружеская беседа. Меня удивила привязанность всей семьи к Латипову. И РИММА РАССКАЗАЛА ТАКУЮ ИСТОРИЮ.

Долго она искала тропинку от своего детства на Украину, надеясь, что жив ещё кто-нибудь из родных, но каждый раз все поиски заканчивались неудачей. А детдомовские подружки, которых вместе с Риммой привезли в Узбекистан, зная, что в Гиждуване, в соседнем районном центре с Шафирканом, есть клуб «Поиск», который помогает «детям войны» разыскать их родственников. ПРИЕХАЛА РИММА К ЛАТИПОВУ

Эркину Бабажановичу и рассказала ему обо всём. ОН взял её фотокарточку, НАПИСАЛ В ГАЗЕТУ «ПРАВДА» старые и новые фамилии «детей войны», которыми уже занимались следопыты, и послал фотографии.

Большую географию имеет газета «ПРАВДА». ПОПАЛА она и на Крайний Север, В НОРИЛЬСК. ПРИНЕСЛИ ЕЁ ЖЕНЩИНЫ НА ОДИН ИЗ ЗАВОДОВ и во время обеденного перерыва СТАЛИ ЧИТАТЬ ВСЛУХ О ПОИСКАХ ГИЖДУВАНСКОГО КЛУБА. ОДНА ИЗ ЖЕНЩИН, ТАРАСОВА ЗИНАИДА АНДРЕЕВНА, КАЗАЛОСЬ, ОКАМЕНЕЛА, побледнела, и едва выговаривая слова, попросила прочесть ещё раз. И уже не осталось сомнений, её родная сестра в Узбекистане, она жива. Зина побежала в редакцию. Там ей сказали, чтобы она написала письмо Латипову. Вместе с письмом она послала свою фотокарточку. Когда Эркин Бабажанович получил это письмо с фотокарточкой, он пригласил Римму приехать в Гиждуван. Она приехала. Но, когда она увидела фото, не признала Зину сестрой и уехала ни с чем. Не спешил с выводами Эркин Бабажанович, не успокоились поисковцы. Через некоторое время Зина написала Римме, что она похожа на отца, Римма - на мать. Она склеила старую мамину фотографию и послала Римме.

Пришла как-то Римма с работы, а дети ей: «Смотрите, это Ваша мама». Глянула она на снимок и поняла, что была не права, ведь она на маму похожа, как две капли воды. Долго носила при себе фотографию, вымет, посмотрит и снова спрячет...

Поспешила к следопытам, очень хотелось ей с сестрой встретиться. К тому времени не одной их

семье помогли найти родных поисковцы. . УЗНАЛИ О НИХ В ТАШКЕНТЕ И ВО ВСЁМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ...

В 1983 году «Узбектелефильм» снял о таких семьях документальную кинокартину «Берегите надежду». А когда Узбекская студия хроникально-документальных фильмов, заинтересовавшись поисковцами, задумала снять ФИЛЬМ «СОРОК ЛЕТ ПОСЛЕ ДЕТСТВА», Э.Б. Латипов попросил документалистов включить в него семью Риммы Кушмурудовой и её встречу с сестрой. Так и сделали.

БЫЛО 37 ГРАДУСОВ НИЖЕ НУЛЯ , когда Римма с шестнадцатилетней дочерью Зиёдой опускались по трапу самолёта, прибывшего в Норильск. Мужественно держались южные жители. Их отвели в гостиницу. Представитель кинохроники объяснил, что поедет в райком, а сам тем временем отыскал Зинаиду Андреевну, но встретиться в этот день им не дали возможности, чтобы во время съёмки сохранилась непосредственность и свежесть восприятия. Обе сестры не могли заснуть всю ночь. А на следующее утро поехали к Зине. Дверь открыта, кинокамера начеку, но этого уже не замечали сёстры. Бросились навстречу друг другу, обнялись и расплакались от радости, на которую вряд ли надеялись на протяжении этих сорока лет.

БЫЛО ЧТО СЁСТРАМ ПОВЕДАТЬ ДРУГ ДРУГУ. Зина рассказала Римме о родителях и о первых днях войны, то, что смогла сохранить детская память. Жили они на Харьковщине. Отец последнее время жил в самом Харькове. Умер незадолго перед тем, как встретились сёстры. Когда началась война, отец сразу ушёл на фронт. Мать ушла в партизаны.

Днём уходила в лес, а ночью приходила домой, чтобы приготовить еду детям. Было в их семье две дочери - Римма (раньше её звали Алла) и Зина. Однажды мать не вернулась. Так её больше никто не видел. Девочки остались без присмотра. Им было по шесть лет. Они были двойняшки. Алла заболела. Зина бегала добывать еду и носила больной сестрёнке. Запомнилось, как немец ел хлеб, а она, не отрывая глаз, смотрела на него. Он швырнул ей кусок хлеба. Она очень хотела есть, но сдержалась, не съела этот хлеб, а скорее побежала покормить, опухшую от голода, сестрёнку.

Но, ни дома, ни во дворе сестрёнки не было. Зина плакала, всех спрашивала. И ей рассказали, что какая-то женщина на руках (Алла уже не могла ходить) унесла девочку в детдом. Так Зина осталась одна.

Было чего рассказать и Римме. Попала она вначале в Комаровский детдом Харьковской области, затем в Изюмский детдом. Там она начала ходить в первый класс. И вдруг налёт вражеских самолётов. Всех скорее повели на станцию. Темно, дождь, грязь, холодно. Маленькие плачут. Закутывали их во что было, даже в одеяла... Выехали ночью, когда прекратилась бомбёжка. Полон эшалон детей. Когда появлялись самолёты, машинист давал гудок, все выходили и бежали в лес. Когда утихало, снова - гудок и все бежали к поезду. Было и такое, что кто-то отставал от поезда. Многие погибли в дороге от бомбёжки и от голода. Ехали очень долго. Затем привезли детей в Узбекистан на станцию Кизыл-ТЭПО. Оттуда в кишлак Дурмен и раздавали колхозникам в семьи.

Если в большинстве своём, дети приобрели хороших новых родных, - Римме не посчастливилось. Кушмурудовы Ербой и Худуса были людьми старых примитивных наклонностей. Много пришлось пережить Римме, чтобы настоять на своём и через все запреты таки пойти учиться. Помогли ей представители власти и местные грамотные люди, понимающие стремление девочки. Римма очень хорошо училась. Её любили в школе. Учитель истории Иссо Хамроев посоветовал Римме, после окончания десяти классов обратиться в Бухарский обком партии. Обком помог устроить её даже через полгода после того, как начался учебный год, в Бухарское педучилище. Там её, как сироту, кормили бесплатно.

Через два года после окончания училища, Римма вернулась в кишлак Дурмен Шафирканского района и стала работать в детсадике воспитательницей. В то время заведующей детсадом была женщина с Украины Ищенко Майя. Её муж Василий Иванович Ищенко был директором Машино-тракторной станции (МТС). При МТС была комнатка, которую эта семья выделила для Риммы.

Вскоре Римма полюбила местного парня, узбека Рамазона Хасанова и в 1962 году они поженились. Долгое время Рамазон работал в колхозе ветфельдшером. А затем, в связи с болезнью, необходимо было перейти на более лёгкую работу, - пошёл работать чайханщиком.

В их семье четверо детей. Стремилась родители всем детям дать образование, развить их способности. Старшая дочь Светлана закончила Ташкентский пединститут имени Низами. Она учительница. Преподаёт русский язык. Сын Юрий,

после службы в армии на Украине, на Родине мамы, продолжил учёбу в Ташкентском кооперативном техникуме. Он играет на народных узбекских инструментах и хорошо поёт. Дочь Зиёда тоже сдавала экзамены в Ташкентский пединститут. Первый раз после сдачи экзаменов не прошла по конкурсу, но не отказалась от своей мечты - стать педагогом.

Когда мы побывали в семье Риммы, младший их сын Юнус ещё был школьником, - настоящей находкой для художественной самодеятельности, - поёт и танцует. Радуется Римма вместе с супругом своим детям, иная судьба у них.

После окончания педучилища Римма ездила на Украину, в Жажковский район, в гости к своей доброй покровительнице Наталье Степановне, которая преподавала в её школе русский язык и, написав в Москву, помогла Римме получить паспорт. Это дало Римме возможность учиться в Бухарском педучилище.

Сын Юрик после демобилизации из армии ездил в Изюм, а также в село Комаровку на Харьковщине, где находился до войны мамин детдом. К сожалению, архив был на ремонте. Но всё же, Римма хотела съездить на Родину. Она надеялась отыскать свои документы. Часто вспоминает она свою поездку в гости к любимой учительнице Наталье Степановне, вспоминает Украину, которая ей очень понравилась и не перестаёт быть близкой её сердцу.

Нина из Кишлака Дурмэн

Рисунок Елены Микушевой: Материнство.

Кто привёз Нину в детдом, вспомнить она не может. Исполнилось ей тогда годика три. Было это на Украине. Детская память запечатлела только одно: была она такой ослабшей, очевидно, от голода, что часто падала и теряла сознание. Через пару лет окрепла, подравнялась ко всем остальным детям. И, как свойственно большинству детей, ни о чём серьёзном не задумывалась, тем более, что родных своих не помнила, не знала живы ли они. Возможно, ребёнку и не приходили в голову такие мысли.

И вдруг - война... Частые налёты вражеских самолётов, бомбёжки. Повели всех на станцию. Погрузили в поезд, который отправился в Узбекистан. Долго ехали под бомбёжками с гудками тревоги. Воспитатели с трудом делили, добываемые ими, крохи хлеба. Воды чаще всего доставалось по пару капель, только смочить губы.

Через пару месяцев поезд прибыл в Узбекистан на станцию Кизыл – ТЕПО. Оттуда повезли детей в кишлак Дурмен.

КТО-ТО СКАЗАЛ НИНЕ, ЧТО ОНА С УКРАИНЫ. Больше она ничего не помнит. В Детский дом эвакуопункта превратился кишлак Дурмен в начале войны. А со временем МЕСТНЫЙ КОЛХОЗ СТАЛ БОЛЬШОЙ ДРУЖНОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬЁЙ УЗБЕКОВ, АЗЕРБАЙДЖАН, ТАТАР, НЕМЦЕВ, РУССКИХ, УКРАИНЦЕВ, ПОЛЯКОВ, БЕЛОРУССОВ, ТАДЖИКОВ, ТУРКМЕН. Казалось, без конца ПРИБЫВАЛИ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ ЭШАЛОНЫ С ДЕТЬМИ СО ВСЕГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

На зов горя спешили колхозники. НИНУ ВЗЯЛИ к себе сорокалетние бездетные РАУФ и ЗАЙНАБ. НО ВСКОРЕ СЛУЧИЛАСЬ В ИХ СЕМЬЕ БЕДА. РАУФ УШЁЛ НА ФРОНТ И НЕ ВЕРНУЛСЯ.

РЕДКО БЫВАЕТ ТАКОЕ, ЧТОБЫ В УЗБЕКСКИХ СЕМЬЯХ РЕБЁНОК ВОСПИТЫВАЛСЯ БЕЗ ОТЦА. СПОКОН ВЕКОВ, НА ВОСТОКЕ, ЕСЛИ УМИРАЛ ОТЕЦ ДЕТЕЙ, ТО КТО-ТО ИЗ ЕГО БРАТЬЕВ СТАНОВИЛСЯ ОТЦОМ ОСИРОТЕВШИМ ДЕТЯМ. ДЕТИ СНОВА ОБРЕТАЛИ ПОЛНОЦЕННУЮ СЕМЬЮ, РОДИТЕЛЬСКОЕ ТЕПЛО И ЗАБОТУ. ЭТО ХОРОШАЯ ОСНОВА, КРЕПКИЙ ФУНДАМЕНТ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛНОЦЕННЫХ СЕМЕЙ И В ПОСЛЕДУЮЩИХ ПОКОЛЕНИЯХ. ЧТОБЫ ВЫРАСТИ НЕ УЩЕРБНЫМ, А НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ, РЕБЁНОК С САМОГО РАННЕГО ДЕТСТВА НЕ ДОЛЖЕН ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ОБДЕЛЁННЫМ СУДЬБОЙ. ТОГДА НЕ ОВЛАДЕЮТ ЕГО ДУШОЙ ПЕЧАЛЬ И ОБИДА, ПРЕВРАЩАЮЩИЕСЯ СО ВРЕМЕНЕМ В РАЗЛИЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ. ЕМУ И ТЕМ, КОМУ ПРИДЁТСЯ С НИМ ОБЩАТЬСЯ, ЖИТЬ БУДЕТ ЛЕГКО И ПРОСТО.

Зайнаб, взявшая Нину, была татаркой, но семейные традиции её были едины с народом, среди которого она выросла. После гибели мужа горе и растерянность одолели её. Она очень любила мужа и потому даже в мыслях не могла себе представить кто бы смог стать Нине отцом. Родные её жили далеко и, когда узнали о случившемся, звали на Родину.

ПОДЕЛИЛАСЬ ЗАЙНАБ СВОЕЙ БЕДОЙ С СОСЕДЯМИ – УРАЛОМ И ЧИННОЙ ГАФАРОВЫМИ.

У НИХ БЫЛО ТОГДА ЧЕТЫРЕ СЫНА И ДОЧЬ. Все вместе посоветовались и решили, что лучше будет воспитываться Нине в семье, где у неё сразу появятся братья и сестрёнка, будут отец и мать. Так и сделали. УДОЧЕРИЛИ ГАФАРОВЫ НИНУ И НАЗВАЛИ ЕЁ АМИНОЙ.

Прошло пару лет. Амина освоила узбекский язык, привыкла к семье, к своим братьям и сестрёнке. Пришла к ним однажды сестра Чинны Латофат. Её муж погиб на фронте. Война закончилась, а её два сына Бободжан и Мирзо тоже не вернулись. Она горько плакала и просила отдать ей Амину, чтобы девочка жила с ней, чтобы не было ей так одиноко. Латофат обещала, что её отцом и матерью так и останутся Урал и Чинна, ведь нельзя же лишать девочку полноценной семьи. Жаль стало Чинне сестру. Посоветовались с мужем, поговорили с Аминой. И стала она жить с тётёй Латофат, но так привыкла к сестрёнке и братишкам, что всё время прибежала домой и играла с ними.

Время было трудное. Недолго пришлось учиться Амине в школе. Закончила она всего четыре класса и, как её родные, работала на хлопковом поле. Послевоенной стране разрушенной, голодной и раздетой, очень нужен был хлопок, и трудилась Амина вместе с родными от зори до зори...

В 1953 году вышла Амина ЗАМУЖ ЗА своего сверстника ДАВИДОВА РАХИМА, с которым вместе работала. В любви, мире и согласии живёт их семья. СВОЮ ЗАВЕТНУЮ МЕЧТУ АМИНА И РАХИМ ВОПЛОТИЛИ В ДЕТЯХ, СОЗДАВ ВСЕ УСЛОВИЯ, ЧТОБЫ ИХ ДЕТИ ПОЛУЧИЛИ ВЫССШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИВАЛИСЬ ВСЕСТОРОННЕ.

Старший сын Карым закончил автодорожный институт в Ташкенте. Второй сын Салим закончил механический факультет Ташкентского политехнического института.

Их дочь Норжон с детства мечтала стать врачом. После окончания школы с отличием, поступила в Ташкентский мединститут. А закончив его, стала врачом городской больницы в Ташкенте.

Сын Халим после возвращения из армии (он служил в Германии) пошёл работать трактористом в Заравшан, где закончил вечернее отделение Индустриального техникума.

Пятый ребёнок семьи Давидовых Нажмиддин отслужил армию в Минске и поспешил в Ташкент для продолжения учёбы на геологическом факультете Ташкентского университета.

МЛАДШИЙ СЫН САДРИДДИН РЕШИЛ СТАТЬ ТРАКТОРИСТОМ. ПО УЗБЕКСКОМУ ОБЫЧАЮ, ЕМУ, КАК МЛАДШЕМУ СЫНУ, ПРЕДСТОИТ ДОСМОТРЕТЬ РОДИТЕЛЕЙ В СТАРОСТИ, ВОЗМЕСТИВ ИХ ЗАБОТУ О ДЕТЯХ.

Во время нашей беседы зашли в комнату две девочки – школьницы, младшие дочери. Как в своё время и старшие, в школе они – отличницы. Гульджан увлекается шахматами, а Нурхон – математой и физикой. Старшие сыновья преуспевают в спорте: футбол, волейбол, шахматы, а также в свободное время рисуют...

ДЕТИ - ГОРДОСТЬ СЕМЬИ ДАВИДОВЫХ. ТРЕМЯ МЕДАЛЯМИ МАТЕРИНСКОЙ СЛАВЫ НАГРАЖДЕНА ИХ МАТЬ – ДАВИДОВА АМИНА. У ОТЦА РАХИМА ДАВИДОВА – МЕДАЛЬ «ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ». И хотя они уже несколько

лет могли бы быть на заслуженном отдыхе, они ещё продолжали трудиться на хлопковом поле. Их трудолюбие перешло к детям, а их несбывшееся стремление к учёбе, к познанию, - стали реальностью в судьбах их детей.

Не нашёлся пока никто у Амины на Украине. Но теплится надежда. Кто-то рассказал ей, что когда началась война, директор Изюмского детдома, что на Харьковщине, упрятал сейф с документами Изюмского, Бригадирского, Комаровского и Краснопольского детдомов в земле, предположительно в том месте, где находится пионерлагерь детей Харьковского тракторного завода. Всё может быть... Возможно, случится такое, что ещё найдутся документы Амины и других «детей войны» и осчастливят возможностью отыскать их родных на, утерянной ими в детстве, Украине.

Посланный Богом

*На фотографии: Худайберды Гадоев
на хлопковом поле.*

Стройный, сероглазый, худощавый мужчина среднего возраста открывал не калитку, а ворота, как это принято в Узбекистане, когда приглашают гостя войти.

В памяти вдруг всплыли кадры кинохроники, эшалоны поездов с детьми под ливнями бомб, спешащие в Узбекистан.

Этот человек, открывавший нам ворота,- один из двухсот тысяч, спасённых Узбекистаном, детей, - ХУДАЙБЕРДЫ ГАДОЕВ. На Украине звали его АЛЁША (а в семье называли ЛЁНЯ)

ЩЕРБАЧЕНКО. Это хорошо запомнил мальчик, ведь он перед войной закончил первый класс. Помнит, что был он в это время в Комаровском детдоме. И ещё сохранила детская память адрес: Харьковская область, Изюмский район, село Зелёная долина.

Дождливый октябрьским днём 1941 года, когда начались бесконечные обстрелы, в их детдом пришёл представитель райкома партии и сказал, чтобы они немедленно собирались и шли на станцию. Когда стемнело, пошли на станцию в Изюмский район. Второпях, под бомбёжкой, даже поужинать не успели. Детей охраняли солдаты. Шёл дождь. Когда довели детей до Изюма и уложили спать, солдаты снимали с себя шинели и укрывали ими детей. Утром дошли до станции и усадили всех в поезд. Ехали больше месяца. Из двухсот ребят половина не доехали. Погибли от бомбёжки, голода и болезней.

В конце ноября прибыли в Узбекистан, на станцию Кизыл-ТЭПО, куда приезжали, запряжённые лошадьми, повозки. На повозках детей везли в кишлак Дурмен, в детдом.

Положение в республике было очень тяжёлым. Ведь не только двести тысяч детей со всего Советского Союза принял Узбекистан. Сюда ехали эвакуированные семьи с оккупированных территорий. Кроме того, республика помогала кормить и одевать фронт. Поэтому в феврале 1942 года правительство Узбекистана обратилось к своему народу с просьбой разбирать детдомовских детей по семьям.

Люди сразу же откликнулись на беду. Не закрывались двери детдомов. Со всех кишлаков ехали они и шли пешком в детдом, куда привозили детей-сирот. И хотя было ясно, что последний кусок хлеба многим из них придётся делить не между собой и сиротой, а между ним и своим ребёнком, но это не останавливало. Они знали, что одно большое горе постигло всех. Надо разобрать его по частям, чтобы его не стало, надо отдать всё возможное, лишь бы страна выстояла.

И они шли брать детей, не чувствуя их чужими. Они забирали их в свои семьи, как самых родных.

Пришёл однажды в детдом один красивый узбек, лет пятидесяти с поседевшей бородой, в чалме и в калошах. Звали его ГАДОЙ АДЫЗОВ. Он выглядел так, будто сошёл с картинки восточной сказки. Алёша Щербаченко, увидев его, не мог отвести от него глаз.

Гадой заметил

пристальный взгляд мальчика. Подошёл к нему и сказал: «У меня нет детей. Хочешь быть моим сыном?» Алёша обрадовался и подошёл ближе к этому, как ему казалось, сказочному человеку.

Гадой уловил засиявшую улыбку на лице мальчика и продолжал: «У меня нет детей. Тебя мне Бог послал. Поэтому, даю тебе имя ХУДАЙБЕРДЫ - ПОСЛАННЫЙ БОГОМ». (Худай - Бог, берды - посылать). Взял мальчика за руку и Алёша с удовольствием пошёл с ним.

Трудно передать, как обрадовалась жена Гадоя ЁКУТ, когда муж вошёл во двор с мальчиком. Она обняла малыша, повела его в дом, накормила, купала. А на следующий день, из имеющегося на

хозяйстве единственного барана, Гадой и Ёкут приготовили праздничный обед, созвали всех соседей на праздник в честь появления в их семье сына.

В Узбекистане всегда семья считалась ущербной, если не слышен в доме смех и плач детей. Поэтому появление ребёнка - это счастье, большой праздник для семьи.

Гадой и Ёкут усыновили Алёшу. Он стал ХУДАЙБЕРДЫ ГАДОЕВ. У него уже были любящие отец и мать, и родительский очаг. Хорошо жилось мальчику. Очень любили и жалели его родители. Мама работала на хлопковом поле. Отец был заведующим фермой в колхозе имени Усмана Юсупова.

В 1943 году пошёл Худайберды учиться в узбекскую школу имени Шота Руставели в Шафирканском районе. Новый язык давался ему легко. Десятилетку закончил с хорошими оценками. Гадой очень хотел, чтобы его сын продолжил учёбу в институте. Но случилось так, что отец надорвался на работе и вскоре умер. Не мог Худайберды бросить маму одну и пошёл работать на хлопковое поле поливальщиком. Понять все сложности профессии поливальщика, такого привередливого растения, как хлопок, могут лишь те, кто его выращивают. Если не достаточно воды, хлопок засыхает. Если вдруг немного больше, чем надо, он сгниёт. Понимая всю ответственность в своей профессии, Худайберды Гадоев отличался особым вниманием и трудолюбием, за что уважали его односельчане и ценили на работе.

Женился Худайберды на узбечке. И хотя прошло много лет с тех пор, а глаза его светятся теплом и нежностью, когда вспоминает как, будучи ещё подростком, засматривался он на соседку ОЙШУ. Жилось девочке трудно. После того, как погиб её отец на финляндском фронте, жизнь в семье Ойши не сложилась. Её воспитывали то двадцатилетний брат матери, то старенькие дедушка с бабушкой. С болью в сердце смотрел на бедную девушку Худайберды. Сам он был высоким, стройным, интересным парнем, хорошо трудился, был единственным сыном в семье, жил довольно не плохо. И когда он предложил Ойше выйти за него замуж, она с радостью согласилась.

Худайберды рассказывает, а Ойша, сидя рядом, смотрит на мужа ласковыми, любящими глазами. Она мать-героиня, десять детей родила. Когда мы познакомились с семьёй Гадоева, пятеро уже были взрослые.

Сын Юсуф после окончания Самаркандского финансового техникума работал главным бухгалтером в сельсовете Калмакан Шафирканского района. Уже был женат и имел двух детей, дочь и сынишку.

Младший Мурат закончил этот же техникум и работал в Шафирканской инспекции госстраха.

Дочь Джамиля после окончания того же техникума работала в Шафирканском райфинотделе.

Старшая дочь Робия закончила Шафирканское торговое училище и работала продавцом. У неё уже было четверо детей.

Напротив нас стояла красавица Нурбиби. Глаза, как тёрен, а брови, как ласточкины крылья. В национальной узбекской люльке, покрытой цветастым покрывалом, она качала свою трёхмесячную дочурку. Эта прелестная таджичка - жена сына Обода, который живёт вместе с родными и работает шофёром в районной ветлечебнице.

Все дети семьи Гадоевых хорошо учились. Природа смешанной семьи щедро одарила их талантами. Они поют, танцуют, вышивают, преуспевают в спорте...

Давно ушли в другой мир узбекские родные Худайберды. Отец - Гадой - в 1954 году. Матери Ёкут не стало в 1963 году. Но всю жизнь с сердечной теплотой и огромной благодарностью вспоминает о них Худайберды.

Когда пришло его время получать паспорт, Худайберды помнил, что он от рождения АЛЕКСЕЙ ЩЕРБАЧЕНКО, что родился в Харьковской области. И УЗБЕКСКИЕ РОДНЫЕ НЕ ПРОТИВ БЫЛИ ВЕРНУТЬ ПАРНЮ ЕГО РОДНУЮ ФАМИЛИЮ И ИМЯ. Но Худайберды настолько полюбил своих, воспитавших его, АДЫЗОВЫХ, что даже написал письмо в Верховный Совет СССР Клементу Ефремовичу Ворошилову с просьбой оставить себе имя ХУДАЙБЕРДЫ ГАДОЕВ. Вскоре после этого была большая радость в их семье, из Москвы пришло подтверждение.

В 1982 году, когда Гиждуванский клуб «ПОИСК» имени Василия Порика стал заниматься «детьми

войны», хотя Худайберды вырос в Узбекистане любимым сыном, всё же запало и в его сердце желание найти кого-нибудь из своих родных на Украине. Он даже решил вместе

с ЛАТИПОВЫМ ЭРКИНОМ БАБАЖАНОВИЧЕМ, возглавляющим Гиждуванский клуб «ПОИСК», съездить в Изюмский район Харьковской области. «И я поеду помочь ему искать родных, - говорит Ойша, - а вдруг кто-нибудь откликнется...» И она снова ласково смотрит на мужа.

Прошли годы. Но невозможно забыть кадров из документального фильма «ХУДАЙБЕРДЫ - ПОСЛАННЫЙ БОГОМ», его второй приезд на Украину вместе с ЛАТИПОВЫМ ЭРКИНОМ БАБАЖАНОВИЧЕМ и со взрослым красавцем сыном МУРАТОМ. НЕЗАБЫВАЕМА его ВСТРЕЧА С СЕСТРОЙ НИНОЙ... Особенно трогательны последние кадры фильма - ИХ ПОСЕЩЕНИЕ МОГИЛЫ МАТЕРИ. Зима... На сельском кладбище за оградкой - могильный холмик покрыт снегом. На белый снег Худайберды кладёт красные гвоздики. У КРЕСТА, который на могиле матери, узбеки: Худайберды, его сын Мурат и Эркин Бабажанович Латипов, - ставший на время этой поездки их переводчиком, - становятся на колени и ХУДАЙБЕРДЫ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ ПРОИЗНОСИТ МОЛИТВУ ИЗ КОРАНА...

Конец можно было бы назвать счастливым, если бы можно было всё начать сначала...

На фотографии: Сын Худайберды Обод Гадоев со своей супругой Нурбиби.

Мать - Героиня

На фотографии: Семья Тани Шокировой. Таня - крайняя справа.

На пороге дома ТАНИ ШОКИРОВОЙ нас почему-то встречало много людей, детей и взрослых. Все они внимательно глядели на меня. Сопровождающий тем временем объяснял кто приехал и откуда.

Мы вошли в гостиную. Таня села напротив нас, внимательно глядела на меня. Глаза её наполнились слезами и она, не в силах удержаться, расплакалась. Я не могла понять, в чём дело. И она объяснила. Вчера ей сказали, что кто-то к ней приехал из Украины. Она всю ночь не спала,

чего только не передумала, готовилась к встрече и наплакалась и радовалась... Думала, что наконец-то кто-нибудь на Украине нашёлся, может, сестра... Поэтому сбежались и родные и соседи поглядеть кто же приехал. Хотели вместе с Таней порадоваться. А тут чья-то беспечная опрометчивость превратилась в такую жестокость... Я не знала, что сказать Тане, чем утешить. Приглашала к себе в гости, в Киев. Взяла фотографию её семьи, а вдруг кто-нибудь на Украине из родных отыщется... Обещала написать о ней, рассказать людям. Мне очень хотелось, чтобы не погасла та крохотная искорка надежды, пронесённая ею через 45 лет.

Таня сказала, что до войны её звали, как ей помнится, НАКОНЕЧНАЯ ТАНЯ. Отец с матерью привели её в детдом имени Дзержинского в Изюмском районе Харьковской области, когда началась война, а сами ушли на фронт. Не успела она ещё освоиться на новом месте, как собрали всех, отвели на станцию, посадили в вагоны и поезд взял курс на Узбекистан. Помнится Тане, как гнались за ними вражеские самолёты. Когда поезд останавливался, они все бежали в лес, там падали на землю и пережидали. Когда кончился хлеб, воспитатели в дороге на станциях доставали макуху и делили на всех по кусочку. Три долгих осенне-зимних месяца добирались до конечной станции в Узбекистане, до Кизыл-ТЭПО, куда свозили эвакуированных детей с оккупированной территории. А оттуда, как и всех, - в детдомовский эвакуопункт Дурмен.

Взял вначале Таню председатель Денавского сельсовета ЭРГАШЕВ ХАКБЕРДЫ. Но жена его работала в Бухаре, в Облисполкоме. Сильно была загружена, трудно было добираться на работу. Поэтому, когда зав. фермой колхоза имени Ахунбабаева КУРБАН ОТАРНОНОВ и его жена КАНДОЛ захотели забрать Таню, МУККАРАМ, супруга ЭРГАШЕВА, согласилась отдать девочку, понимая, что в этой оседлой бездетной семье ей будет лучше.

ОТОРНОВЫ УДОЧЕРИЛИ ТАНИЮ.

Новый отец Тани работал в чуле (пустыне), мама - на хлопковом поле. Таня оставалась дома на хозяйстве. А позже, с шестнадцати лет стала помогать матери в поле: полола, окучивала и собирала хлопок.

Было её родителям за пятьдесят, когда они её взяли. На протяжении всей жизни у них больше детей не было. Так и осталась Таня у них единственной дочерью, которую они хорошо одевали и любили, как родную.

Тане было 11 лет, когда привезли её в Узбекистан. К этому времени на Украине она закончила 4 класса. Узбекский язык давался ей трудно. Она походила ещё год в узбекскую школу и больше не смогла. Да и родные уже состарились. Нужно было помогать им дома и в поле.

Когда Тане исполнилось 18 лет, вышла она замуж за тракториста ЖУРУ ШОКИРОВА, с которым работала на одном поле.

Одиннадцать детей родилось в семье Шокировых, три сына и восемь дочерей. Все они

закончили десять классов. Имеют свои семьи. У Журы с Таней, когда я их посетила, было уже 25 внуков. Каждый в семье избрал себе дело по душе, но все остались в родном колхозе. Есть в их семье трактористы, чабан, шофёры, виноградори, хлопководы. А дочь НОДИРА очень любит детей и решила стать воспитательницей детсада. Она закончила Навоинское педучилище.

Казалось бы, вырастить столько детей, иметь ОРДЕН «МАТЬ-ГЕРОИНЯ», - какие ещё могут быть награды?! А у Тани Шокировой ещё и МЕДАЛЬ «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ, ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ТРУД». Она - Ветеран труда.

Её муж, бригадир полеводческой бригады, награждён МЕДАЛЬЮ «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД». А главный комитет ВДНХ СССР наградил его бронзовой МЕДАЛЬЮ «ЗА ДОСТИГНУТЫЕ УСПЕХИ В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР».

Счастлива Таня, что имеет такую хорошую семью. Были живы ещё и родные, которые её воспитали. Они живут в восьмидесяти километрах от Шафиркана, в городе Навои.

Нам пора уходить. А у Тани снова в глазах слёзы. «Как видите, - говорит Таня, - всё здесь хорошо, ребята у нас послушные и ласковые и всё же хочется найти кого-нибудь из родных на Украине. Просила помочь Латипова Эркина Бабажановича. Он со своими следопытами долго искал, хотел помочь мне, но пока никого не нашёл...» За ворота нас снова провожали детвора и соседи. Наша машина уже набирала скорость. А эти люди ещё стояли и смотрели нам вслед.

Скорей, пока не разобрали...

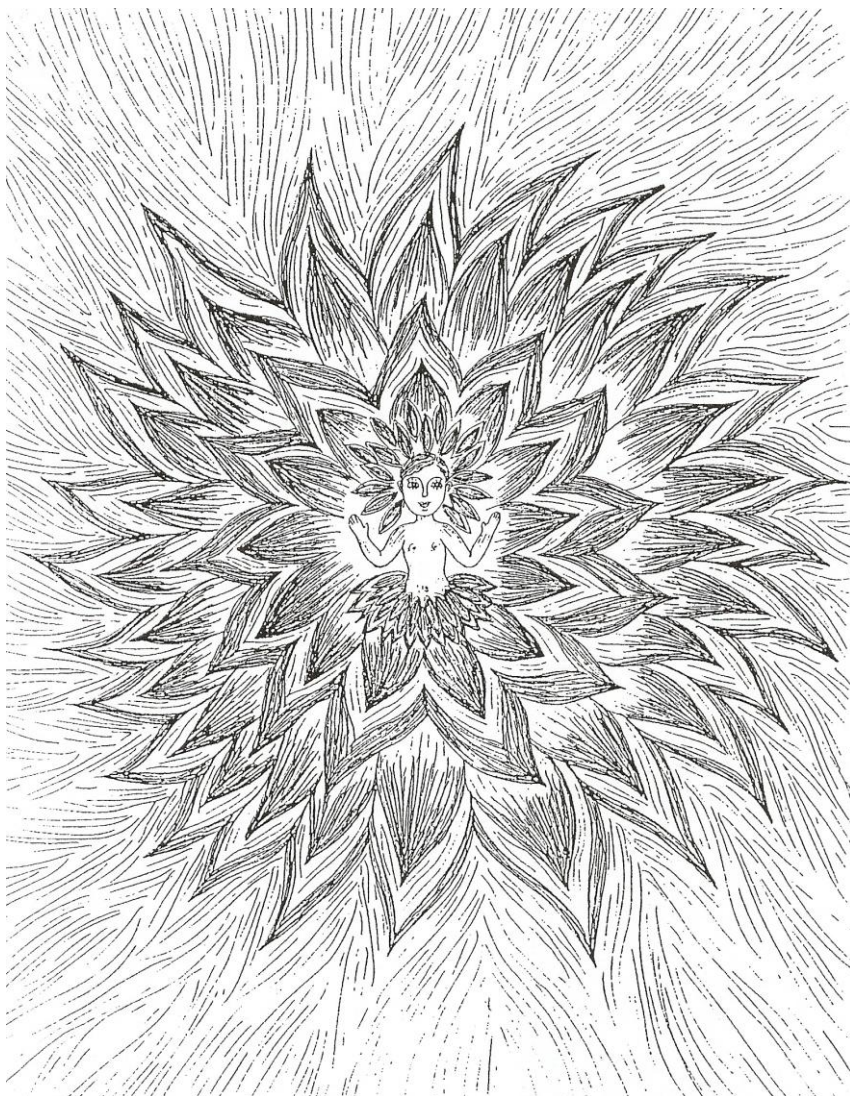

Рисунок Елены Микушевой: Душа цветка.

Узбек АВЕЗОВ АБДИ и его жена казашка ПАЛЕМГУЛ из Шафирканского района были бездетными. Воспитали они казахского мальчика, сироту ДАВЛАТА. Очень любил мальчик лошадей. Когда подрос, работал в колхозе коневодом. Окликнет, бывало, любого коня по имени, и тот сразу же откликается.

Когда началась война, ушёл Давлат на фронт. Более полугода прошло, а весточки с фронта никакой. Запала тревога в сердцах родных.

И тут кто-то сказал Палемгул, что привезли сирот. Она расплакалась и побежала к мужу: «Едь скорее в Дурмен, - просила она, - возьми и нам девочку или мальчика, пока не разобрали».

Абди сел на ишака и отправился в Дурменский детдом. Понравилась ему худенькая сероглазая девчушка. Абди уже тогда свернуло за шестьдесят. Несмотря на солидный возраст, он был высоким, богатырского сложения, с бородой и длинными усами, в чалме. Когда Абди подошёл к ЗИНЕ, она испугалась. Он взял девочку за руку и тихо спросил: «Пойдёшь со мной? Ты будешь моей дочкой». От ласкового голоса прошёл страх у Зины, и она внимательно разглядывала незнакомца.

Палемгул не терпелось. Она побежала к племяннику, чтобы тот запряг повозку и поехал мужу навстречу, а то вдруг ребёнок испугается ехать с ним на ишаке. В повозке Палемгул постелила помягче и племянник поспешил в Дурмен.

Как только услышала Палемгул через пару часов приближение повозки, выбежала за ворота встречать. Девочка сразу понравилась и Палемгул повела её в дом. На печке грелась вода. Девочку

искупали, одели в чистую одежду, накормили, «Как тебя зовут? – спросила Палемгул».

Когда Зина ответила, ей почему-то показалось это имя трудным и в семье стали звать её ЗАЙНАБ, хотя со временем для паспорта оставили её родное имя. С рождения была она ЖАЙВОРОНКОВА ЗИНА.

Хотя на Украине, в городе Изюме на Харьковщине Зина закончила только первый класс, здесь пошла сразу в пятый. Узбекский язык давался ей легко и она быстро научилась читать и писать по-узбекски. В их колхозе была только начальная школа. Поэтому после окончания семи классов, она пошла в среднюю школу соседнего колхоза, которая находилась в кишлаке Тезгузар в восьми километрах от их колхоза. Закончила Зина 9 классов. В десятый так и не пошла. Преодолевать пешком ежедневно 16 километров было нелегко. Нужно было ещё и помогать состарившимся родным в поле и дома.

Печалились родные за сыном. Абди даже своего любимого коня отдал на фронт. Казалось, возможно, хоть этим поможет возвращению сына... Но не вернулся с войны Давлат. Так и осталась Зина единственной надеждой и помощницей родителей.

Время было тяжёлое. Техники на полях не было. Да и работать в основном приходилось старикам, подросткам и, списанным с фронта, инвалидам. Зинина мама была бригадиром на сборе коконов. Зина трудилась на хлопковом поле. Вместе с бывшим фронтовиком

ТОИРОМ ХОДЖИЕВЫМ с помощью коня засевали поле. Он ведёт рядом коня, а Зина идёт следом, направляя сеялку. Трудная работа для девочки-подростка... Со временем нашла Зину её заслуженная награда - МЕДАЛЬ «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 - 1945 ГГ.» И в её, тогда только что начинающейся, жизни будет ещё много премий, грамот, медалей... Но награда 14-летней девочки за труд для фронта стала первым шагом в её достойном будущем. Работала Зина и воспитательницей в детском садике своего колхоза. Избирали её односельчане депутатом местных советов...

Зине шёл двадцать первый год, когда полюбил её и посватал таджик, преподаватель русского языка и литературы четвёртых – десятых классов школы имени Ушинского

ХАЛИМОВ МУСТАФА АХМЕДОВИЧ. Жизнь Зины была близка и понятна Мустафе. Он и сам в пятнадцать лет остался круглым сиротой. А когда ему ещё и восемнадцати не было написал заявление в военкомат и ушёл добровольцем на фронт. С боями прошёл до Бухареста. Участвовал во взятии в плен короля Антонеску. А с 1946 по 1950 год служил в Западной Украине.

Когда Зина с Мустафой поженились, он забрал её к себе вместе с родителями. Мустафа был преподавателем и учился заочно в Бухарском педагогическом институте. Славная и трудовая биография у Мустафы Ахмедовича. Долгое время был он руководителем методического объединения учителей русского языка в

Шафирканском районе, директором школы имени С.А. Макаренко, завучем в школе. Ещё в 1952 году организовал он в своей школе кружок краеведов, а со временем - Всесоюзный экспедиционный отряд разведчиков-следопытов №909, которые много сделали для истории родного края. Мустафа Ахмедович - Отличник народного просвещения и Заслуженный учитель Узбекской ССР. Уйдя на пенсию, продолжал читать лекции, вести патриотическую воспитательную работу в школе. Он является автором книги об истории своего колхоза.

Трое сыновей и две дочери воспитали Халимовы. Дочь ОЛИЯ пошла по отцовской линии. Закончила Бухарский пединститут и учительствовала в школе. Младшую дочь увлекала техника. Будучи ещё школьницей, она водила трактор. Как и их сын ОДИЛ, закончила Бухарский индустриальный педагогический техникум. Она любит играть в теннис. Пишет стихи, играет на дутаре. Обучаясь в техникуме, проходила практику в Волгограде.

Глядя на младшую дочь, Мустафа Ахмедович вспоминает Зину в школьные годы, активную участницу художественной самодеятельности. Очень хорошо исполняла она народные украинские и узбекские танцы.

Мустафа Ахмедович часто пишет статьи на педагогические темы, помогает своему колхозу разрабатывать новые методы механизации. А ещё он занимается пчеловодством. Хозяева с удовольствием угощают гостей мёдом. Когда к плову принесли виноградное вино, вполне взрослые сыновья

Халимовых только символически подняли рюмки, чтобы поддержать тост, но не пили. Одил, высокий русоволосый парень с удлинённым лицом, похожий на мать, - сидел с ней рядышком. А Зина, полная нежных материнских чувств, то поглаживала чуб сына, то пыталась кормить его с ложки пловом. А сынуле было уже 23 года и он у них парень спортивный.

Занимается национальной борьбой - кураж. Но для родителей дети всегда остаются детьми.

Ещё в 1957 году умер отец, а в 1972 году и мать Зины, оставив много тепла в сердце дочери для её детей. Вспомнила Зина и довоенные годы, о своём братишке Вите, которому было пять лет, когда началась война. Но до сих пор, как ни старались они с мужем хоть кого-нибудь из Зиныных родных отыскать на Украине, много писем посылали в Изюм, но пока так никого и не нашли...

Хосият

Рисунок Елены Микушевой: Покой.

ХОСИЯТ или, указывающая дорогу к счастью, - так это узбекское имя переводится на русский язык.

Этим именем ЛИДУ ОМЕЛЬЧЕНКО назвал председатель колхоза в Шафирканском районе Бухарской области КУЛЬМУРАТ ХОЛОВ в 1948 году за её труд. Работала Лида быстро, ловко и, можно сказать, красиво. Её труд был хорошим примером для других. Поэтому новое имя оказалось ей очень к лицу. Исполнилось Лиде тогда 17 лет. И когда она получала паспорт, в нём так и написали - ХОСИЯТ.

Избрали подруги её звеньевой. Работать в те годы на хлопковом поле было трудно. Засевали вручную, собирали - тоже. Но не пугали Хосият трудности. Годы войны были куда более тяжёлыми. Рано начала девочка работать в поле. Удочеривший её узбекский отец - НУРМУРОД НУРОВ, был бригадиром. Во всём была она ему помощницей. От зари до зари трудилась на хлопковом поле. Кроме того, приходилось помогать выращивать, собирать и отсылать солдатам на фронт овощи и фрукты, шить одеяла, матрацы, фуфайки... Оценка её труда тех лет хранится среди документов, ныне – СОЛИЕВОЙ ХОСИЯТ НУРМУРОДОВНЫ - это медаль «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 – 1945гг.»

- Как получилось, - спрашиваем, - что отец выдал Вас замуж за своего племянника? Без Вашего согласия, по старым обычаям?»

Ну что Вы, - возражает Хосият Нурмуродовна, - мы с ГАНИ СОЛИЕВЫМ с детства дружили. Позже

он чабаном работал. А стали старше, - полюбили друг друга.

Во время нашей беседы вошёл её младший сын и Хосият Нурмуродовна, симпатичная круглолицая женщина, с приятной улыбкой, вдруг засмузилась и даже покраснела.

Был ГАНИ её отцу племянником, но кровного родства у них с Хосият не было. Ведь Хосият была приёмной дочерью, хотя роднее родных стали для неё её узбекские отец и мать. Умер, к сожалению, её отец Нурмурод Нуров. Но жива была мама АШУРА, жившая с ними по - соседству.

Хотелось узнать, как стала ЛИДА ОМЕЛЬЧЕНКО дочерью в узбекской семье, и она рассказала, что вспомнила.

Изюмский детдом, что на Харьковщине, в котором перед войной находилась Лида, эвакуировал детей в Бухарскую область, Шафирканский район, кишлак Дурмен.

Хорошо запомнился Лиде тот день, когда в Дурменский детдом пришёл один бородатый человек в чалме, подошёл к ней и спросил: «Поедешь со мной?» Он улыбнулся и сразу понравился девочке. В знак согласия, она схватила его за руку, готовая пойти за ним. Это был НУРМУРОД НУРОВ из кишлака Джурабад. Работал он бригадиром в колхозе.

Когда Нурмурод привёл девочку домой, навстречу поспешила его жена АШУРА и детвора Нуровых. У них было трое детей, десятилетняя БАБИЧА, четырёхлетняя дочь ХАЖИБИБИ и

двухлетний сынишка МАХМУД. Ашура обняла Лиду, поцеловала и сказала, что она будет ей дочкой. А, окружившей, детворе объяснила, что привезли их сестричку.

Лида как-то сразу всем сердцем приросла к этой семье. И КОГДА СЛУЧИЛОСЬ ГОРЕ, УМЕР МЛАДШИЙ БРАТИШКА МАХМУД, ЛИДА ОЧЕНЬ ПЛАКАЛА. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ В СЕМЬЕ НУРОВЫХ РОДИЛИСЬ ДОЧЬ БАХМАЛ А И СЫН МУСТАФА.

РОДНЫМИ СЁСТРАМИ И БРАТЬЯМИ СТАЛИ ВСЕ ОНИ ДЛЯ ЛИДЫ. ВСЕХ ОДИНАКОВО ЛЮБИЛИ И ЖАЛЕЛИ ПАПА С МАМОЙ. БОЛЕЕ СОРОКА ЛЕТ ПРОШЛО С ТЕХ ПОР, НО НИ ОДИН ВОПРОС В ЛЮБОЙ ИЗ СЕМЕЙ СЕСТЁР ИЛИ БРАТЬЕВ НЕ ОБХОДИТСЯ БЕЗ ЛИДЫНОГО СОВЕТА, КАК СТАРШЕЙ. ВСЕ СВАДЬБЫ ДЕТЕЙ ГОТОВЯТ ВМЕСТЕ, ПОМОГАЮТ ДРУГ ДРУГУ ВО ВСЁМ.

В Изюмском детдоме Лида закончила первый класс. В Узбекистане пошла сразу в третий, в школу Ахунбабаева, в двух километрах от кишлака Джурабад. И, как ни трудно было, она всё же закончила 8 классов узбекской школы.

Умер любимый человек Лиды, её супруг СОЛИЕВ ГАНИ. К тому времени они с мужем только троих детей успели «поставить на ноги» - ШАМСИЮ, ЖАМИЛУ и СОКИНУ, которые тогда закончили десятилетку и уже начали трудиться в колхозе. Большинство детей в отца пошли, - высокие, крепкого сложения. Детей у Хосият с Гани родилось девять. После смерти отца остались, как говорят, мал мала меньше... Дочь ХОКИМА, как раз тогда, поступила

в педучилище. Закончила и работает воспитательницей в детском садике своего колхоза. Младшие девочки учились в школе. Сын УРАЛ работает трактористом. Сын ЭСАМБАЙ после окончания средней школы был призван на службу в армию в Подмосковье. Служил в городе Загорске. Это он вошёл, когда мать рассказывала о своей молодости. В Загорске влюбился в русскую девушку, которую, как и его маму, зовут ЛИДОЙ. Очень хотел на ней жениться, но она не решилась уехать с ним навсегда так далеко от дома, да и жаркий климат пугает. ЭСЕМБАЙ, ПО УЗБЕКСКОМУ ОБЫЧАЮ, КАК МЛАДШИЙ СЫН, ОБЯЗАН ОСТАТЬСЯ ЖИТЬ В РОДНОМ ДОМЕ И ДОСМОТРЕТЬ В СТАРОСТИ РОДНЫХ.

Не остыла пока ещё его душевная боль. Хосият Нурмуродовна с сочувствием и нежностью смотрит на сына. Говорит, что была бы очень рада русской невестке, было бы с кем по-русски разговаривать, да беда в том, что ехать она сюда не решается. У Эсембая чуть ли ни слёзы на глазах, и мать с болью в сердце поглядывает на сына, русого, светлоглазого, похожего на неё.

Посчастливилось Лиде на её узбекских родителей. Люди они отзывчивые, мягкосердечные. Лида также рассказывает о том, как в 1946 году ОТЫСКАЛ ЕЁ В УЗБЕКИСТАНЕ РОДНОЙ ОТЕЦ, ОФИЦЕР СОВЕТСКОЙ АРМИИ, ФОТОГРАФИЮ ПРИСЛАЛ. В НОВОЙ ЛИДИНОЙ СЕМЬЕ НИКТО НЕ МОГ ПРОЧЕСТЬ ЭТО ПИСЬМО, НЕ ЗНАЛИ РУССКИЙ ЯЗЫК. ЦЕЛЮЮ НЕДЕЛЮ НОСИЛ НУРМУРОД В КАРМАНЕ ПИСЬМО И ФОТОКАРТЧКУ ЛИДИНОГО ОТЦА,

НО ТАК И НЕ НАШЁЛ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ СМОГ БЫ ПРОЧЕСТЬ ЭТО ПИСЬМО. ОТДАЛ ЛИДЕ, ЧТОБЫ ОНА ПОЛОЖИЛА В ТУМБОЧКУ, С НАДЕЖДой, ЧТО ПОЗЖЕ НАЙДУТ КОГО-НИБУДЬ, ЧТОБЫ ПРОЧЕСТЬ ЕГО. ЛИДА КАК-ТО ПОССОРИЛАСЬ С ПОДРУЖКОЙ. ТА ВЫХВАТИЛА ЭТО ПИСЬМО ВМЕСТЕ С ФОТОКАРТЧКОЙ И ПОРВАЛА НА МЕЛКИЕ КУСОЧКИ. ЛИДА ДОЛГО ПЛАКАЛА. НО ЭТИМ БЕЗДУМНЫМ ЖЕСТОКИМ ПОСТУПКОМ ЛИДИНЫ РОДИТЕЛИ НАВСЕГДА БЫЛИ ЛИШЕНЫ ВОЗМОЖНОСТИ НАЙТИ, УТЕРЯННУЮ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ, ДОЧЬ. И ЛИДА ТАК И НЕ СМОГЛА НАЙТИ НИКОГО ИЗ РОДНЫХ НА УКРАИНЕ. ЕЙ И СЕЙЧАС БОЛЬНО ВСПОМИНАТЬ ЭТОТ СЛУЧАЙ. Детская, особенно зрительная, память очень цепкая. И сейчас более сорока лет спустя, Хосият Нурмуродовна помнит ту фотографию отца-офицера и говорит, что её сын Урал похож на него.

Роза Люксембург

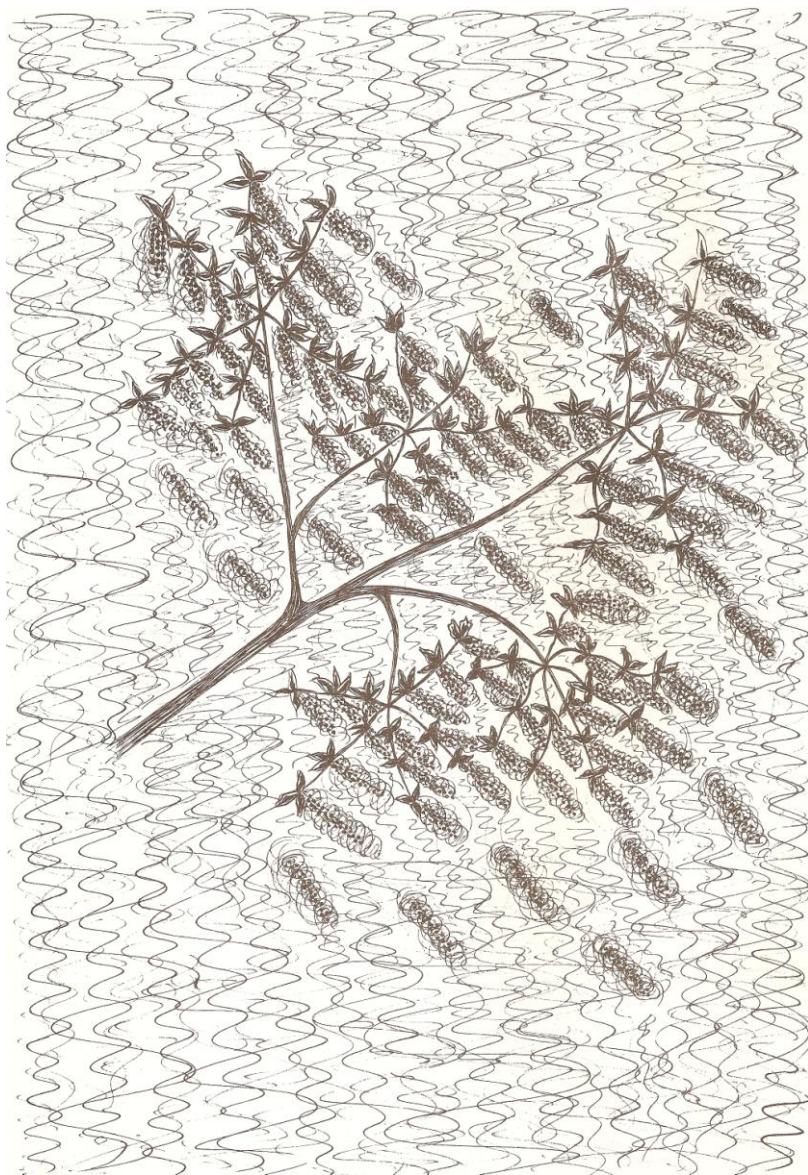

Рисунок Елены Микушевой: Дыхание весны.

ВСЕ ЗНАЮТ ТОЛЬКО ОДНУ РОЗУ ЛЮКСЕМБУРГ, ВОЖДЯ НЕМЕЦКОГО ПРОЛЕТАРИАТА, ОДНОГО ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ.

Когда мы узнали, что в колхозе имени Ибрагима Муминова Шафирканского района Бухарской области ТОЖЕ ЕСТЬ РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ, ДА ЕЩЁ, КАК ГОВОРИЛИ, НАША ЗЕМЛЯЧКА, - ЗАХОТЕЛОСЬ С НЕЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ, УЗНАТЬ КАКОЙ СУДЬБОЙ ЕЁ ТАК ДАЛЕКО ЗАБРОСИЛО.

Калитку открыла высокая, проворная, худощавая женщина, с добрым лицом. Она провела нас в гостиную, где, как и в любом узбекском доме, мы уселись на коврах, подложив под руки подушки, а хозяйка спешила подать зелёный чай и сладости. Разговор завязался непринуждённо. Роза рассказала нам о своей жизни, вспоминая тяжёлые и хорошие годы детства, о своих узбекских родителях, которых очень любила.

Роза родом с Белоруссии. Сколько она себя помнит, С ДЕТСТВА ЕЁ НАЗЫВАЛИ РОЗОЙ ЛЮКСЕМБУРГ. Про свою тёску, немецкую Розу Люксембург она знает, читала, видела о ней фильм ещё в детстве.

Детский дом, куда попала двухлетняя Роза, находился в Белоруссии, в Кистяковском районе Могилёвской области.

Когда началась война и бомбили Белоруссию, их детдом переехал на Украину. Куда именно, - она

вспомнить не может, так как была маленькой да ещё сильно заболела.

Началась оккупация Украины. Эшалоны с детьми шли на Восток. Очевидно, Розин детдом переправлялся через Харьковщину, потому что все приметы отправки детей в Узбекистан сходятся с рассказами старших «детей войны», которых, как и её, привезли в кишлак Дурмен Шафирканского района Бухарской области, откуда уже местные жители разбирали детей по семьям.

Шестилетнюю Розу взял колхозник ХАЛИМ ИХРОМОВ. Его жена МУАЗАМ очень обрадовалась, когда увидела, что муж ведёт ей девочку. Они были бездетные. Роза была очень маленькой и щупленькой. МУАЗАМ НАСТОЛЬКО ХОТЕЛА, ЧТОБЫ РОЗА СТАЛА ЕЙ РОДНОЙ ДОЧЕРЬЮ, ЧТО ДАЖЕ ДАЛА ЕЙ ГРУДЬ, ХОТЯ ЯСНО, ЧТО МОЛОКА В НЕЙ НЕ БЫЛО.

Роза росла болезненной девочкой, сказывалась перемена климата. Родные очень жалели Розу и не спешили брать с собой в поле. Пошла она трудиться в хлопководческую бригаду отца, когда ей было уже 17 лет.

Соседский парень НОРКУЛ ХАМИДОВ в 1955 году вернулся из Латвии после службы в армии. Заглядывался он на Розу, но надо было раньше поработать, стать крепко на ноги, а потом уже и семьёй обзаводиться. Через три года они поженились.

НОРКУЛ - уважаемый человек в колхозе. Трудился он в хлопководческой бригаде. За долголетний, добросовестный труд ИМЕЕТ МЕДАЛЬ «ВETERАН ТРУДА».

Подорванное с детства, здоровье Розы сказалось, очевидно, на детях. Одна их дочь больная с рождения, она - инвалид. Трое детей умерли.

Но всё же, две дочери здоровы и радуют родителей. Старшая МУБАРАК закончила десять классов и работает в Шафиркане на шёлкомотальной фабрике. Она замужем за РАХИМОМ РАХМАНОВЫМ. Младшая дочь ДИЛЬРАБО закончила Ташкентское медицинское училище

имени Ахунбабаева и работает медсестрой в Каракульском районе. С мужем ВАЛЕНТИНОМ - они - коллеги. У них родилась дочь. Роза и Норкул уже имеют внучку. Жаль, что умерли Розины узбекские отец и мать, не смогли вместе с ней порадоваться... Розе без них очень трудно. После того, как в 1980 году умерла мама Музам, Роза вынуждена была оставить работу, потому что не было кому присматривать за больной дочерью.

Когда услышала Роза, что некоторые «дети войны» отыскиали на Украине своих родных, она тоже написала в газету «Советский Узбекистан», но, к сожалению, ничем ей помочь не смогли. А Розе так хочется, чтоб нашёлся хоть кто-нибудь близкий на её Родине...

Вместо двадцать восьмого – Двадцать второё...

Рисунок Елены Микушевой: Святая печаль.

«Хочешь поехать в город?» - спросил отец пятилетнего мальчонку МИТЮ. Ну, какой же сельский мальчик не хочет увидеть город... Конечно, Митя очень обрадовался и пошёл с отцом к Днепру. Отец усадил мальчика в лодку и они переплыли реку на другую сторону. Пришли на вокзал. Отец завёл Митю в поезд, а сам вышел, будто на минуточку, и не вернулся. Митя вслед за отцом выбежал из вагона, но отца уже не было. Какая-то женщина отвела его в детский приют. Три дня плакал Митя навзрыд, думал, что потерялся. И только с годами, став взрослым, понял, что отец оставил его, чтобы он не умер от голода. Было это в 1933 или в 1934 году. Он вспомнил, что детей в семье было семеро. Самого меньшенького качали, в подвешенной к потолку, люльке. Мама заболела, двое детей умерло. Вот и решился тогда отец таким образом спасти сына.

Пробыл Митя в Киевском приюте полгода. Много таких, как он, там собралось. Затем расформировали их по детским домам области.

Попал Митя в Чернобыльский детдом имени Петровского. Всё возможное делало государство, чтобы детдомовские дети не чувствовали нужды, чтобы жили полноценной жизнью.

Каждое воскресенье водили их в баню, в кино, в лес на прогулку. Педагоги были добрые, внимательные. Были в детдоме различные кружки. Каждый мог выбрать себе увлечение по душе.

Участвовал МИТЯ БАЙКАЛОВ в драмкружке, играл на мандалине, на балалайке. Особенно его

способности проявились в рисовании. Ежедневно по два часа в художественном кружке занимался он у своего любимого учителя КИРИЛУШИ ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА. Оформлял всегда в школе стенгазеты, стенды, лозунги, транспоранты, различные выставки.

Среди трёхсот детдомовских детей - одарённых, из посещавших художественный кружок, выделялись шестеро. Одним из них был Дмитрий Байкалов. Учился почти на все пятёрки, только по математике была «четвёрка». В конце весны 1941 года Митя заканчивал седьмой класс. Детдом решил направить его, в числе этих шести одарённых детей, учиться в Москву, в художественное училище. Послали раньше туда их работы, и вскоре пришёл вызов. 28 июня они должны были прибыть в Москву. В детдоме пошили им новее костюмы. У ребят на душе был настоящий праздник.

ПОЧТИ НЕДЕЛЯ ОСТАВАЛАСЬ ДО ВЫЕЗДА В МОСКВУ. Было воскресенье. Ребята только вернулись из бани. И, вдруг, по радио объявили, что ФАШИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ НАПАЛА НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. Бомбили Брестскую крепость и Киев. В ОДИН МИГ ОБОРВАЛИСЬ ВСЕ ПЛАНЫ РЕБЯТ. На второй день, как коршуны, кружились вражеские самолёты над городом и окрестностями, бомбили железнодорожные узлы. Малышей Чернобыльского детдома сразу же эвакуировали на Урал. А тридцати двум мальчикам в возрасте десяти - тринадцати лет пошили шинели, дали на плечи вещмешки с сухим пайком и направили на сборный пункт Чернобыльского военкомата. Там собрали из

окружных сёл таких же подростков, одетых уже во что попало, - всего 260 человек, и, чтоб не попали они из оккупированной территории в Германию, в рабство, повели их пешком в Полтаву. ТРУДНЫМ БЫЛ ПЕШИЙ ПЕРЕХОД В 500 КИЛОМЕТРОВ. Было несколько подвод только для вещей и больных. В сёлах, по дороге покупали хлеб, молоко, фрукты. В дождливое время шли по колено в грязи. Душили слёзы, а жалеть некому, шли дальше... Война наступала, охватывала всё новые и новые территории.

Однажды ночью, когда переходили мост через Днепр, сельские ребята сбежали, разбежались по домам. Осталось только 32 человека детдомовских. Все дошли до Полтавы. Оттуда направили их в село Решетилровку на работу в колхоз убирать урожай, ведь все мужчины ушли на фронт...

Проработали здесь ребята полтора месяца. Но фашисты уже приближались к Полтаве.

СНОВА СОБРАЛИ ДЕТДОМОВСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОДРОСТКОВ, 280 ЧЕЛОВЕК И ПОВЕЛИ СНОВА ПЕШКОМ НА ХАРЬКОВ. В ХАРЬКОВЕ ПОСАДИЛИ В ПОЕЗД. Вагоны были набиты, как бочки с селёдкой. Выехали под вечер по направлению к городу Изюму.

Садилось солнце. Проехали всего километров сорок. РЯДОМ С СОСТАВОМ, ГДЕ ЕХАЛИ ДЕТИ, ШЁЛ ЭШАЛОН С ОРУЖИЕМ. НАЛЕТЕЛИ ФАШИСТСКИЕ САМОЛЁТЫ И БОМБИЛИ ОБА СОСТАВА. «КОГДА НАЧАЛИ БОМБИТЬ, - ВСПОМИНАЕТ ДМИТРИЙ ДАНИЛОВИЧ БАЙКАЛОВ, - Я ВЫСКОЧИЛ НА ХОДУ ИЗ ПОЕЗДА. СКОТИЛСЯ В ОКОП И

УСЛЫШАЛ КРИК НАШИХ СОЛДАТ: «ЛОЖИСЬ!»
ДО УТРА ПОЛЫХАЛИ ОСТАТКИ ВАГОНОВ,
РАЗБИТЫЕ В ЩЕПКИ, И ВАЛЯЛИСЬ КУСКИ
РАСКАЛЁННОГО ЖЕЛЕЗА. ВСЮ НОЧЬ Я БЕГАЛ
И ИСКАЛ КОГО-НИБУДЬ ИЗ СВОИХ, ВСЁ ВРЕМЯ

НАТЫКАЯСЬ НА ОТОРВАННЫЕ ГОЛОВЫ, РУКИ,
НОГИ... НАС, ДЕТДОМОВСКИХ
ОСТАЛОСЬ ШЕСТЕРО. К УТРУ МЫ ОТЫСКАЛИ
ДРУГ ДРУГА. НЕ БЫЛО У НАС НИ ВЕЩЕЙ, НИ
ЕДЫ, НИ ДЕНЕГ... Добрались мы до следующей
станции и не знали, что делать дальше. Идти далеко,
а ехать боимся. Подумали, посоветовались и решили
сесть в поезд, который шёл в сторону Изюма. НЕ
УСПЕЛИ ПРОЕХАТЬ И ПАРУ СТАНЦИЙ, КАК
СНОВА ИДЁТ

ЭШАЛОН С ОРУЖИЕМ И СНОВА НАЛЁТ
НЕМЕЦКИХ САМОЛЁТОВ. Я - К ДВЕРЯМ...

Вагон подпрыгнул над рельсами и стал падать. Я
ПОКАТИЛСЯ КУБАРЕМ ВНИЗ, А ЗАТЕМ
ПОДХВАТИЛСЯ И СТАЛ БЕЖАТЬ В ЛЕС. Всё
вокруг горит, взрывается, начал гореть лес,
невозможно дышать. Я бежал, сколько было сил,
пока не упал без сознания».

Когда Митя очнулся, рядом с ним лежала
женщина, ещё не пришедшая к памяти. Митя помог
ей подняться. Она расспросила его - кто он, откуда.
Рассказала, что мужа провела на фронт,
он работал на железнодорожной станции. Она
забрала Митю к себе домой. Боялась зажигать свет, в
потёмках покормила его холодным борщом. Первый
раз за много дней он мог поспать в доме на постели.

На рассвете она дала ему кое-что из еды на дорогу и сказала: «Иди, сынок. Опасно тебе здесь оставаться».

УЖЕ НЕ ПОМНИТ МИТЯ СКОЛЬКО ШЁЛ. НЕ БЫЛО УЖЕ ЕДЫ, НЕ ХВАТАЛО СИЛ ИДТИ ДАЛЬШЕ. Сел он у обочины дороги не в состоянии сдвинуться с места... А тут едет

подвода, женщина с мужчиной сено везут. Уцепился Митя за дышло. Сперва накричали на него хозяева, но он рассказал о случившемся и они его подвезли до Изюма, ещё и хлеба с сахаром дали на дорогу. С собой взять не могли, так как в воинскую часть ехали.

СТОЯЛ МИТЯ НА ДОРОГЕ, КАЗАЛОСЬ, НЕ В СОСТОЯНИИ СДВИНУТЬСЯ С МЕСТА ОТ ГОРЯ, ОТ ОДИНОЧЕСТВА, ВЕДЬ ОДИН ВО ВСЁМ БЕЛОМ СВЕТЕ ОСТАЛСЯ. КУДА ИДТИ?.. ОБРАТИЛСЯ В НАЧАЛЕ В ВОЕНКОМАТ. СПРАШИВАЛ: НЕ

ВИДАЛ ЛИ КТО ТАКИХ ПАЦАНОВ, КАК ОН, В ШИНЕЛЬКАХ. ТАК И УХОДИЛ НИ С ЧЕМ.

РАЙИСПОЛКОМ НАПРАВИЛ МИТЮ В ДЕТДОМ. ЗА НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ ОН СМОГ ХОТЯ БЫ ИСКУПАТЬСЯ. ДАЛИ ЕМУ СВЕЖУЮ ОДЕЖДУ. После бани зашел в комнату, где только что проснулись дети, глянул на них и пришёл в ужас. Здоровых вывезли раньше. Здесь ОСТАЛИСЬ ТЯЖЕЛО БОЛЬНЫЕ ДЕТИ. У НИХ БЫЛА ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ ГЛАЗ - ТРАХОМА. МИТЮ ОХВАТИЛ СТРАХ, ОН БОЯЛСЯ ОСЛЕПНУТЬ, И БРОСИЛСЯ

БЕЖАТЬ. На дороге он встретил старика на бричке с бидонами, который ехал с маслозавода в колхоз. « ПАЦАН, А НУ ИДИ СЮДА, - КРИКНУЛ СТАРИК, ПРИОСТАНОВИВ ЛОШАДЕЙ, - У ТЕБЯ БЫЛИ

ДРУЗЬЯ В ТАКИХ ШИНЕЛЬКАХ, КАК ТЫ? У НАС В КОЛХОЗЕ ПЯТЕРО РАБОТАЮТ».

НА ТАКУЮ РАДОСТЬ МИТЯ ДАЖЕ НЕ НАДЕЯЛСЯ. ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ПРИ БОМБЁЖКЕ ОТОРВАЛО ПОЛСОСТАВА И МАШИНИСТ УСПЕЛ ЕГО СПАСТИ. ТАМ И БЫЛИ ЕГО ДРУЗЬЯ. Митя начал просить старика взять его с собой, но тот объяснил, что без

направления Горисполкома, председатель колхоза его на работу не возьмёт. Хотя после того, как Митя сбежал из Изюмского детдома, он уже и побаивался идти в Горисполком, но пришлось...

Рассказал всё и получил направление в колхоз, села Шпаковки, Изюмского района, где уже работали его друзья. ШЁЛ ОН БЫСТРО, СЧАСТЛИВЫЙ И РАДОСТНЫЙ.

НО, КОГДА ПРИБЛИЖАЛСЯ К СЕЛУ, ЕГО РАДОСТЬ ОМРАЧИЛО ГОРЕ ЖЕНЩИН - СОЛДАТОК, ВЫБЕГАВШИХ ЕМУ НАВСТРЕЧУ. «ОТКУДА ТЫ, СЫНОК?» - СПРАШИВАЛИ ОНИ, - В ШИНЕЛИ И ТАКОЙ МАЛЕНЬКИЙ...» ОНИ НЕСЛИ ЕМУ ХЛЕБ, ФРУКТЫ. Полную пазуху гостинцев нёс Митя своим друзьям.

Вдруг увидел Митя на лошади одного из своих ребят, САДЕЦКОГО МИТЮ. Тот спрыгнул с коня и они ОБНИМАЛИСЬ, СМЕЯЛИСЬ И ПЛАКАЛИ ОТ РАДОСТИ.

Доверил председатель Мите пасти 500 овец. Стал он чабаном. Около месяца пас овец. Немцы уже были в шестидесяти километрах от Кременчуга. Уже бомбили город Изюм. Сбрасывали бомбы на железнодорожную станцию. Содрогалась земля...

Однажды, проснулись ребята утром и нет никого. Баранов Митя загнал в лес, чтоб бомбы на них не сбросили.

Два Мити съездили в Изюм - спросить: как быть? Им сказали, чтоб направлялись в Комаровский детдом, от Изюма - 21 км. Не посмели ребята трогать колхозное имущество, хотя вокруг - никого, и пошли пешком в Комаровку. Там их сразу повели в баню, одели и накормили.

СЕМЬ ДНЕЙ ВСЕГО ПРОБЫЛИ ОНИ В КОМАРОВСКОМ ДЕТДОМЕ. ОБСТРЕЛЫ ЗДЕСЬ НАЧАЛИСЬ ОСОБЫЕ. ФАШИСТЫ НЕ ТОЛЬКО БРОСАЛИ БОМБЫ, НО И НА БРЕЮЩЕМ ПОЛЁТЕ ПРЯМО С ПУШЕК РАССТРЕЛИВАЛИ ДЕТЕЙ, УПРАЖНЯЛИСЬ В МЕТКОСТИ СТРЕЛЬБЫ...

В ТЕМНОТЕ, В ОСЕННИЙ ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ ДЕТЯМ ПРИШЛОСЬ ИДТИ НА СТАНЦИЮ В ИЗЮМ. ТАМ ПОСАДИЛИ ИХ В СОСТАВ, КОТОРЫЙ НАПРАВИЛСЯ В УЗБЕКИСТАН.

С бесконечными остановками, тревогами, маскировками, добыванием пищи, похоронами, умиравших в дороге, - пришлось ехать больше месяца. Было большим везением раздобыть где-нибудь мешок муки. Тут же, НА ОТРАБОТАННОЙ ПАРОВОЗНОЙ ВОДЕ ЗАМЕШИВАЛИ ЛЕПЁШКИ И ПЕКЛИ, ПРИКЛАДЫВАЯ К ПЛИТКЕ, А ПОТОМ ДЕЛИЛИ НА ВСЕХ.

БЫВАЛО ТАКОЕ, ЧТО ПО 10, А ТО И БОЛЬШЕ ЧЕЛОВЕК ПРИХОДИЛОСЬ НАСПЕХ ХОРОНИТЬ ПРЯМО НА СТАНЦИИ, ОСТАВЛЯЯ ДОСТОЧКУ С ИМЕНАМИ. А ТО И ХОРОНИТЬ ИНОГДА БЫЛО НЕКОГДА, ЕСЛИ НАЧИНАЛАСЬ БОМБЁЖКА И МАШИНИСТ СПЕШИЛ СПАСТИ

ЖИВЫХ. Не только приходилось голодать и укрываться от бомбёжек, но и порой подолгу лежать в окопах в грязи и ждать пока сапёры отремонтируют железную дорогу.

К тому времени Бухара была переполнена эвакуированными детьми. Приготовили детдома в Дурмене. ВСЕ ШЕСТЕРО ДРУЗЕЙ ДОЕХАЛИ В УЗБЕКИСТАН.

Наступил декабрь. Было трудно с отоплением. Детдома были переполнены. Еды не хватало.

Начался тиф. ШАФИРКАНСКИЙ РАЙИСПОЛКОМ ОБРАТИЛСЯ К НАСЕЛЕНИЮ СВОЕЙ СТРАНЫ С ПРОСЬБОЙ РАЗОБРАТЬ ДЕТДОМОВСКИХ ДЕТЕЙ ПО СЕМЬЯМ. ЕЖЕДНЕВНО ВО ВРЕМЯ ОБЕДЕННОГО ПЕРЕРЫВА ПРИЕЗЖАЛИ ИЗ КИШЛАКОВ КОЛХОЗНИКИ БРАТЬ В СВОИ СЕМЬИ ДЕТЕЙ.

Из шестерых воспитанников Чернобыльского детдома троих, два Мити и Макара, взял для обучения работы в поле председатель колхоза «Шафиркан» НАИМ РАСУЛОВ. Поселили их в комнате правления колхоза. Но была зима, работы в поле не было и ребят решили отдать колхозникам.

Как-то раз затопили они печь. Подъехал к дому на коне председатель колхоза имени Юлдаша Ахунбабаева - ЧОРЫ ХАККУЛОВ и зашёл погреться. Осмотрел всех и спрашивает БАЙКАЛОВА: «Мальчик, как зовут тебя?» «ДМИТРИЙ» - ответил тот. «Поедем ко мне, - продолжал Чоры, - у меня много баранов, мясо есть будешь...»

Когда Чоры привёз Митю домой, ВСЕЙ СЕМЬЕЙ ВЫШЛИ ИХ ВСТРЕЧАТЬ: ЖЕНА

ХАКЫК С ИХ ЕДИНСТВЕННОЙ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ДОЧКОЙ НАЗОФАТ, ДЕДУШКА ХАККУЛ ОЧИЛОВ С БАБУШКОЙ ХАДЫЧЕЙ.

МИТЯ ВСЕМ ПОНРАВИЛСЯ. Его накормили, переодели, выделили отдельную комнатку.

СЕСТРИЧКА БЫЛА ОЧЕНЬ ДОВОЛЬНА, ЧТО ПОЯВИЛСЯ У НЕЁ БРАТ, ТАК И КРУТИЛАСЬ ВОЗЛЕ МИТИ. Своих узбекских отца и мать Митя называл братом и сестрой, так как они были старше его всего на двенадцать лет. Десять лет прожил в семье Хаккуловых

Дмитрий Байкалов. Помогал в домашнем хозяйстве, работали с отцом в колхозе: разносили удобрение, рыли канавы для водоснабжения хлопковых полей.

«Замечательные они люди, - говорит о своих узбекских родных Дмитрий Данилович, - в такое тяжёлое время отдавали последнее, вырастили, научили труду. Чоры всё время говорил о том, что как только станет немного легче, я обязательно должен пойти учиться».

В 1947 году Дмитрия Байкалова назначили табельщиком. А на следующий год направили на учёбу в Бухару, на курсы колхозных счетоводов, которые он закончил на «отлично». В Бухаре преподаватели курсов, видя, что лицо у него славянское, удивлялись тому, как хорошо владел их ученик узбекским языком, спрашивали кто же он по национальности? Дмитрий Данилович прекрасно владеет и русским языком.

После окончания курсов полтора года работал Д.Байкалов помощником главного бухгалтера в колхозе имени Ахунбабаева, оттуда забрали и

перевели начальником военного учётного стола при сельсовете Калмакан и Тез – Гузар.

В армию Дмитрия не взяли, комиссовали по болезни желудка и печени, пережитое в детстве сказалось на здоровье. Вместо службы в армии, работал он в Вабкентском комиссариате.

В 1956 году Дмитрия Байкалова взяли на работу ответственным секретарём в Шафирканский райисполком, где проработал он четыре года. Затем три года – помощником секретаря Шафирканского райкома партии.

Работая в Райисполкоме, Д.Байкалов закончил 10 классов вечерней школы сельской молодёжи имени М.Горького в Шафиркане. ЭТО ПРИБЛИЗИЛО МЕЧТУ ДЕТСТВА. ОН СМОГ УЧИТЬСЯ НА ХУДОЖНИКА. ПОСТУПИЛ В МОСКВЕ НА ВСЕСОЮЗНЫЕ ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ ОТДЕЛЕНИЯ РИСУНКА И ЖИВОПИСИ. СО ВРЕМЕНЕМ ЭТИ КУРСЫ БЫЛИ ПРЕОБРАЗОВАНЫ ВО ВСЕСОЮЗНЫЙ ЗАОЧНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИСКУССТВ. Спустя год, с начального курса, то есть на год раньше Митю перевели на второй – основной курс, который он закончил через два года. На повышенном не стал продолжать учиться, так как работа в исполкоме требовала массу времени.

Двадцать два года проработал Дмитрий Данилович художником в Шафирканском райсбыткомбинате. Оформлял полевые станы колхозов, выпускал стенгазеты, декоративные щиты, лозунги, транспоранты. ДВЕ ЧАЙХАНЫ В ШАФИРКАНЕ ПРЕКРАСНО РАСПИСАЛ ДМИТРИЙ ДАНИЛОВИЧ НАТЮРМОРТАМИ, СЦЕНКАМИ ИЗ КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ

УЗБЕКИСТАНА И ВИДАМИ СТАРИННОЙ БУХАРЫ, МЕДРЕСЕ, ДВОРЦАМИ, МИНОРЕТАМИ. КОГДА СОСТОЯЛАСЬ МОЯ БЕСЕДА С ДМИТРИЕМ БАЙКАЛОВЫМ, ОН РАБОТАЛ ХУДОЖНИКОМ ПО ОФОРМЛЕНИЮ АФИШ РАЙОННОГО КИНОТЕАТРА ИМЕНИ СУЛТАНА ДЖУРЫ.

Прошло тогда четыре года с тех пор, как умер его узбекский отец Чоры. Но жива была ещё мама Хакык. Она жила с дочерью Назофат в трёх километрах от райцентра.

Было Дмитрию 22 года, когда женился он на КУЛИЧКИНОЙ НАДЕЖДЕ ХАРИТОНОВНЕ. ВЫРОСТИЛИ ОНИ ТРЁХ СЫНОВЕЙ. Старший ВАЛЕРИЙ после окончания Ленинградского топографического техникума работал по топографическим съёмкам в городе Новгороде.

ВЛАДИМИР закончил Бухарский строительный техникум и работал в Шафирканском ПМК-2 начальником отдела труда и зарплаты.

Младший сын ВИКТОР закончил Бухарский педагогический институт, факультет физкультуры. В начале преподавал физкультуру в Шафирканской школе имени Н.К. Крупской.

Затем вынужден был переехать к жене, чтобы её мама не осталась одинокой после смерти отца.

Вместе с женой Таней Виктор уже жил и работал в Канском, в пятидесяти километрах от Шафиркана.

Три года назад до нашей беседы случилось несчастье в семье Дмитрия Байкалова. Какой-то пьяный шофер сбил и покалечил его старшего сына Валерия. Он полтора года проболел и умер.

У него был сын Серёжа, который остался жить с матерью в Новгороде.

После этого горя жена Дмитрия Даниловича стала сильно болеть и умерла через два года после смерти Валерия.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА Д. БАЙКАЛОВА С УКРАИНОЙ ВСЁ ЖЕ СОСТОЯЛАСЬ. ЭТО БЫЛО ТОГДА, КОГДА ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОСТУПАТЬ НА РАБОТУ, И ТРУДНО БЫЛО ПОЛУЧИТЬ ПАСПОРТ. Дмитрий написал письмо в Чернобыльский райисполком.

Туда вызвали бывшего директора детдома имени Петровского - ПЕНЁК СТЕПАНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧА и учителя Дмитрия - художника КИРИЛУШУ ИВАНА ГРИГОРЬЕВИЧА, которые помогли, сразу же написали ему письмо и звали в гости.

ПОЕХАЛ ДМИТРИЙ ДАНИЛОВИЧ В 1960 ГОДУ В ГОСТИ К СВОЕМУ ДЕТДОВОМСКОМУ ЛЮБИМОМУ УЧИТЕЛЮ ПО РИСОВАНИЮ ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ. Как радовались в семье учителя этой встрече и не расскажешь... Детдом, где воспитывался Митя, перешёл в новое здание. Вот сюда и направились Иван Григорьевич с Дмитрием, как только он приехал к нему в гости. И НАДО ЖЕ БЫТЬ ТАКОМУ СОВПАДЕНИЮ, - КАКРАЗ В ЭТО ВРЕМЯ ПРИЕХАЛ, побывать в родных местах, а также навестить Степана Пантелеймоновича и Ивана Григорьевича ПЁТР СТЕЦЕНКО, БЫВШИЙ ВОСПИТАННИК ДЕТДОМА, МИТИН РОВЕСТНИК, ОДИН ИЗ ТЕХ ШЕСТИ ОДАРЁННЫХ ДЕТЕЙ, КОТОРЫЕ В ИЮНЕ 1941 ГОДА ДОЛЖНЫ БЫЛИ

ЕХАТЬ УЧИТЬСЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЕ УЧИЛИЩЕ В МОСКВУ. ОН УЖЕ К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ СТАЛ ХУДОЖНИКОМ. Только Иван Григорьевич с Дмитрием вошли, в здание детдома, смотрят, - ПЕТРО СТЕЦЕНКО ТОЛЬКО ЧТО ЗАШЁЛ, А НАВСТРЕЧУ ИДЁТ СТЕПАН ПАНТЕЛЕЙМОНОВИЧ. БРОСИЛИСЬ ДРУГ К ДРУГУ, ОБНИМАЛИСЬ, ПЛАКАЛИ ОТ РАДОСТИ... Любил Степан Пантелеймонович своих юных художников. Учились ребята отлично да и всю работу по оформлению выполняли с удовольствием, с хорошим эстетическим вкусом, с выдумкой.

С тех пор завязалась у Дмитрия Байкалова переписка, с дорогими ему людьми. ЧЕРЕЗ ГОД, А ЗАТЕМ СНОВА ЧЕРЕЗ ПАРУ ЛЕТ ПРИЕЗЖАЛ ДМИТРИЙ СНОВА НА УКРАИНУ В ГОСТИ К ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ. Нет уже в живых дорогого учителя и его супруги ФЕДОРЫ МИХАЙЛОВНЫ, которые всегда были рады Мите, как родному сыну, но Дмитрий Данилович продолжает дружить и переписываться с их дочерью Еленой Ивановной и её семьёй.

Как-то давно прочёл Дмитрий Байкалов в журнале «Огонёк» о том, что один из воспитанников детдома через 26 лет нашёл своего брата. Затеплилась и в его сердце надежда. Написал в «Огонёк», обращался в газету «Радянська Україна». Но помочь ему не смогли, так как не знал он адреса, где родился...

На помощь пришла семья его учителя рисования - Елены Ивановны. Её муж - ВАСИЛИЙ

ИВАНОВИЧ НОРОВСКИЙ поехал вместе с Дмитрием Даниловичем в Киев. Обратились они в МВД. Им дали адреса ближайших сельсоветов Киевской области. Когда вернулся Байкалов в Шафиркан, написал обширное письмо - автобиографию, размножил в двенадцати экземплярах и разослал по тем сельсоветам.

Через 25 дней получил более тридцати писем. Узнал, что его место рождения можно установить в селе Осецино Киевской области. Было это в 1970 году. ВСКОРЕ ПРИШЛО ПИСЬМО ОТ ПЛЕМЯННИКА - ДМИТРИЯ, СЫНА СЕСТРЫ, НАЗВАННОГО ИМЕНЕМ БРАТА, ТАК КАК ВСЕ СЧИТАЛИ ДМИТРИЯ ДАНИЛОВИЧА ПОГИБШИМ.

«ДЯДЯ МИТЯ, - ПИСАЛ ПЛЕМЯННИК, - Я ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С НАХОЖДЕНИЕМ РОДСТВЕННИКОВ. МЫ ВСЕ ЖДЁМ ВАС. ПРИЕЗЖАЙТЕ. Моя мама будет и Вам родной матерью». Как получили такое письмо Байкаловы, от радости всей семьёй плакали. Сразу же взял Дмитрий Данилович отпуск и поехал с женой и младшим сыном (тогда - шестиклассником) Виктором в гости к родным на Украину.

После пересадки в Москве, ехали в Киев поездом. Всю ночь не спал Дмитрий Данилович, волновался, узнают ли его... Решили выйти с вагона последними. И вдруг, СЕСТРА БОРСИЛАСЬ К НЕМУ : «МИТЕНЬКА, ТЫ - ЖИВОЙ!...» ПЛАЧЕТ. ПОДБЕЖАЛ ПЛЕМЯННИК, ОБНЯЛИСЬ, ПОЗНАКОМИЛИСЬ С ЖЕНОЙ И С СЫНОМ ДМИТРИЯ. ПОВЕЗЛИ ИХ К СЕБЕ ДОМОЙ В

ПОСЁЛОК ВЫШГОРОД, ЧТО ПОД КИЕВОМ. А ТАМ
ЖДАЛИ ЕЩЁ ДВА СТАРШИХ БРАТА, ИГОРЬ И НИКОЛАЙ, которые воевали и вернулись с фронта инвалидами. Игорь как-то даже растерялся, а Николай сразу узнал Дмитрия, который похож на него. Семь дней, до самого ДНЯ ПОБЕДЫ гостевали Дмитрий с супругой и с сыном у родных. Казалось, не могли наговориться. Старшие рассказали о судьбе семьи Байкаловых. ОТЕЦ ТОГДА, КОГДА ПОДБРОСИЛ МИТЮ, И ДРУГИХ РАЗДАЛ, ЧТОБЫ С ГОЛОДУ НЕ УМЕРЛИ. ИЗ СЕМИ ИХ ОСТАЛОСЬ ЧЕТВЕРО. ОТЕЦ УШЁЛ НА ФРОНТ И ПОГИБ.

Мать после войны разыскивала тех, кто жив остался. Один ещё маленьким умер. Две сестрёнки тоже умерли. В 1961 ГОДУ НЕ СТАЛО И МАТЕРИ. РАССКАЗЫВАЛИ, ЧТО ДО САМОЙ СМЕРТИ ВСПОМИНАЛА ОНА МИТЮ.

Через Днепр на моторной лодке все вместе съездили в родное село Осещино, на могилу к матери, почтили память, наплакались... Пора было Д. Байкалову с семьёй возвращаться на его вторую Родину, в Узбекистан...

Наша беседа с Дмитрием подошла к концу. Перед окном ДВОРИК И САД ЗАБОТЛИВО УХОЖЕННЫЙ, ПОХОЖ НА УКРАИНСКИЙ. В КВАРТИРЕ, ОСТАВШЕЙСЯ НАПОЛОВИНУ ОСИРОТЕВШЕЙ, БЕЗ ЖЕНСКИХ РУК, ЧИСТО И УЮТНО. ХОЗЯИН УГОЩАЛ СЛАДОСТЯМИ, А ТАКЖЕ ГРУШАМИ, ГРАНАТАМИ ИЗ САДА, КОТОРЫЙ КОГДА-ТО САМ ПОСАДИЛ.

Дмитрий Данилович показывал свои реликвии - сувениры с Украины: рог с художественной отделкой, вышивки и книгу на украинском языке, пьесу «Пошились у дурні», которую он время от времени читает (кто знает в который раз), читает не для того, чтобы узнать содержание, а чтобы лишний раз причаститься, склоняясь над источником родной земли.

НА СТЕНАХ ВИСЯТ ПОРТРЕТЫ ЕГО ДЕТЕЙ, НАТЮРМОРТЫ, ПЕЙЗАЖИ, ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ КИСТИ ДМИТРИЯ БАЙКАЛОВА. А ПЕРЕД ГЛАЗАМИ У НАС СТОЯТ ЕГО РОСПИСИ БУХАРСКИХ ПЕЙЗАЖЕЙ НА СТЕНАХ ШАФИРКАНСКОЙ ЧАЙХАНЫ. И ЛЮДИ ШАФИРКАНА, ТЕПЕРЕШНИЕ ЗЕМЛЯКИ ДМИТРИЯ ДАНИЛОВИЧА, С УВАЖЕНИЕМ СМОТРЯТ НА НЕГО, СЧИТАЯ ЕГО СВОИМ СЫНОМ И БРАТОМ.

Сестрёнка Оля

*На фотографии:
Семья Рустамовых. Посредине - Оля.*

Билет на обратный путь в Украину был уже у меня в кармане. Договорились, что СУЛЕЙМАН РУСТАМОВ отвезёт меня из Шафиркана в Гиждуван. И вдруг он узнаёт, что я из Киева. « ОЧЕНЬ ПРОШУ, - ОБРАТИЛСЯ ОН КО МНЕ, - ДАВАЙТЕ ПОДЪЕДЕМ в колхоз имени Куйбышева, это - рядом, хоть на полчаса К МОЕЙ СЕСТРЁНКЕ ОЛЕ. ОНА С УКРАИНЫ. МЫ ЕЁ ВСЕЙ СЕМЬЁЙ ОЧЕНЬ ЛЮБИМ, ВСЕГДА С НЕЙ СОВЕТУЕМСЯ, КАК СО СТАРШЕЙ. ОНА ОЧЕНЬ ХОРОШАЯ, ДОБРАЯ. У

НЕЁ НА РОДИНЕ НИКТО НЕ НАШЁЛСЯ. ОНА ВСЕГДА ТАК ХОТЕЛА ХОТЬ КОГО-НИБУДЬ С УКРАИНЫ УВИДЕТЬ.

Я ВАС ЗАВЕЗУ ТУДА И ОБРАТНО, КУДА СКАЖЕТЕ».

В этот день пришлось спрессовать время до предела. И вот мы уже подъезжаем к типично узбекскому двору, обнесённому глухой глинобитной стеной, где все окна жилища выходят во внутрь квадратного, углублённого примерно на метр от жилых помещений, двора, с посаженными посередине деревьями. Такое углубление создаёт удобство для орошения. С тыльной стороны - приусадебный участок, как обычно, засаженный фруктовыми деревьями, бахчей и различными овощами.

На пороге нас радушно встретила невысокая, худенькая, средних лет, русоволосая со светло-серыми глазами женщина, типичная украинка, и повела в дом.

Сулейман, называющий Олю своей сестрёнкой, с чёрным чубом, как воронье крыло, так внешне не похож с ней. И вместе с тем, казалось, они чем-то очень похожи. Очевидно, взаимной доброжелательностью, вниманием друг к другу, умением чувствовать чужую боль. А вообще-то это не удивительно, ведь они дети одних родителей, семьи РУСТАМОВЫХ.

Сулейман стал на время моим переводчиком. Оля выросла в таджикской семье, в узбекско-таджикском окружении, из своего колхоза не выезжала, а Сулейман учился в автодорожном техникуме в Бухаре, поэтому он знает русский лучше неё.

Оля, как и все «дети войны», старалась рассказать, что помнила. ПОСЛЕ ТОГО, КАК ГИЖДУВАНСКИЙ КЛУБ «ПОИСК» ПОМОГ 104 – ЛЕТНЕЙ БАБУШКЕ С ДНЕПРОПЕТРОВЩИНЫ ДАРЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ КУЛЬЧАНОВСКОЙ ОТЫСКАТЬ СВОЕГО ВНУКА ФЁДОРА В СЕМЬЕ КУЗНЕЦА ШОАХМЕДА И ЕГО ЖЕНЫ БАХРИ ШАМАХМУДОВЫХ, УСЫНОВИВШИХ И ВОСПИТАВШИХ 14 ДЕТЕЙ ВОСЬМИ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, С ТЕХ ПОР КАЖДЫЙ ИЗ НИХ, ЗАБРОШЕННЫЙ СУДЬБОЙ ДАЛЕКО ОТ РОДНЫХ МЕСТ, СТАЛ НАДЕЯТЬСЯ НА ПОДОБНОЕ ЧУДО. Каждому из них думалось, что если его снимут в кино или напишут о нём в газете или в журнале, то могут отыскаться, если не отец и мать, то хотя бы сестра или брат... Человеку никогда не хочется думать, что корни его рода утеряны бесследно. ПОМНИТСЯ ОЛЕ, ЧТО ДО ВОЙНЫ ЗВАЛИ ЕЁ КРАСНИКОВА ГАЛЯ. В ДЕТСКИЙ ДОМ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПРИВЕЛА ЕЁ КАКАЯ-ТО СТАРУШКА.

Дети находились в столовой, когда вдруг объявили по радио, что началась война. Они даже прекратили есть и побежали собираться, готовиться к отъезду.

Эшалан, переполненный детьми, под бесконечными обстрелами и бомбёжками шёл до Узбекистана более месяца.

Всех детей, прибывших с Харьковщины на станцию Кизыл – ТЭПО, отвозили на арбах в

кишлак Дурмен. Привезли туда и семилетнюю ГАЛЮ. В Дурменском детдоме дети не задерживались надолго. ПОСЛЕ ОБРАЩЕНИЯ УЗБЕКСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К МЕСТНОМУ НАСЕЛЕНИЮ С ПРОСЬБОЙ РАЗОБРАТЬ ДЕТЕЙ ПО СЕМЬЯМ, КОЛХОЗНИКИ БЕСКОНЕЧНОЙ ВЕРЕНИЦЕЙ ПРИБЫВАЛИ В ДУРМЕН, КТО НА АРБЕ, КТО НА ИШАКЕ, А КТО И ПЕШКОМ. ОНИ СПЕШИЛИ ЗАБРАТЬ СИРОТ, ЗАБРОШЕННЫХ ЗА ТЫСЯЧИ ВЁРСТ ПРОКЛЯТОЙ ВОЙНОЙ.

Пришёл как-то в Дурменский детдом один молодой красивый таджик ИБРАГИМ РУСТАМОВ. Он был одет в халат и чалму. Осмотрел детей и остановил свой взгляд на маленькой, щупленькой девочке, ГАЛЕ КРАСНИКОВОЙ. Он подошёл к ней, присел на корточки и, глядя ей в глаза, сказал: «У меня все сыновья, а девочки нет. Хочешь быть моей дочкой?» Галя не разобрала о чём спрашивал её этот незнакомый человек, но ей почему-то захотелось пойти с ним, и она придвинулась к нему поближе и стала пальчиками трогать рукав его халата. Ибрагим взял Галю на руки, усадил на арбу и повёз домой в посёлок Мирзакул Шафирканского района.

Все родные: дедушка РУСТАМ, жена Ибрагима ТУРСУНОЙ и их сыновья вышли навстречу, когда подъехал Ибрагим с девочкой. «ПРИВЁЗ ТЕБЕ ДОЧЬ, - СКАЗАЛ ИБРАГИМ ЖЕНЕ, - ЧЕМ УГОЩАТЬ БУДЕШЬ?» Галю завели в дом, искупали, одели. Турсуной объяснила сыновьям, что теперь у них появилась сестричка и надо её жалеть. Посчастливилось девочке, в дружную

хорошую семью попала она. ТЕПЕРЬ ГАЛЯ УЖЕ ИМЕЛА ДЕДУШКУ, ПАПУ С МАМОЙ И ТРОИХ БРАТЬЕВ. Старшему ИСРОИЛУ было 10 лет, ШУКУРУ шёл пятый год, а младшему - УМАРУ было всего два годика. Никак мальчики не могли выговорить - ГАЛЯ. Сперва звали сестрёнку - АЛЯ, а затем - ОЛЯ. Девочку удочерили, И в документах записали - РУСТАМОВА ОЛЯ.

«Если мы вдруг, бывало, поссоримся с братьями, - вспоминает Оля, - мама всегда заступалась за меня. Она мне уже даже взрослой мыла голову. А папа так любил меня, что как только привезёт подарки или материал, сначала даст мне и всегда скажет, чтобы раньше мне платье сшили.

Сейчас родные живут в Шафиркане с младшим сыном Сулейманом.

Любили, жалели родные Олю, но вот только нехорошо получилось, что не дали ей образование.

Когда отец был за то, чтобы Оля училась, мать сказала, что может случиться, когда она выучится, то сможет отыскать своих родных на Украине и бросит их, как уже у кого-то был такой случай.

Но, не смотря на это, Оля рассказывает, что и сейчас в любую минуту, когда бы она ни пришла к родным, если ей что-нибудь нужно, последнее для неё отдадут.

Отец ИБРАГИМ РУСТАМОВ работал бригадиром в колхозе. Мать тоже работала в колхозе, на хлопковом поле. Когда Оля подросла, пошла работать вместе с матерью.

В 1956 году Оля вышла замуж за русского парня, тракториста НИКОЛАЯ НОСАЧЁВА.

Был он симпатичным, чутким, отзывчивым, не выпивал... Полюбила его Оля и не знала какой СЕКРЕТ

крылся за их замужеством. КОЛЯ НОСАЧЁВ находился с КРАСНИКОВОЙ ГАЛЕЙ вместе в одном детдоме на Харьковщине. Вместе они приехали в Дурмен. КОГДА ИБРАГИМ ЗАБРАЛ ГАЛЮ, УМАР САБИРОВ ВЗЯ НА ВОСПИТАНИЕ КОЛЮ. ЕЩЁ ТОГДА ОДНОСЕЛЬЧАНЕ, ВОЗМОЖНО ШУТЯ, ДОГОВОРИЛИСЬ, ЧТО ЕСЛИ ИХ ПРИЁМНЫЕ ДЕТИ БУДУТ ЖИВЫ, КОГДА ВЫРАСТУТ, - ОНИ ИХ ПОЖЕНЯТ.

Шло время. Колина мать МУХАРА не имела детей кроме него. Очень дорожила она своим русским сыном и, боясь, чтобы во время службы в армии он где-то не женился и не покинул дом, разрешила ему жениться до армии. МУХАРА СОХРАНИЛА КОЛИНЫ ДОКУМЕНТЫ И ЕГО НАСТОЯЩУЮ ФАМИЛИЮ И ИМЯ ОТЧЕСТВО. ОН ОСТАЛСЯ НИКОЛАЕМ НОСАЧЁВЫМ.

Четверо детей родилось у Оли с Николаем. Три старшие дочери - БАХРИН, РАНО и РОЗА после окончания десятилетки пошли работать вместе с матерью в колхоз доярками. Оля с 1956 года перешла работать на ферму и стала своеобразной зачинательницей трудовой династии доярок в семье Рустамовых. Оля награждена ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЁТА», МНОЖЕСТВОМ ПОЧЁТНЫХ ГРАМОТ, ПОДАРКОВ ЗА ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ТРУД.

В 1970 году умер Олин муж. Оля рассказывает, что ни она, ни муж не смогли найти

родственников на Украине. У Оли документов вообще не оказалось. И Колина метрика затерялась.

Просила меня Оля не спешить возвращаться, приглашает остаться у них погостить, но не было возможности... Время не ждало. Нужно было ехать.

На протяжении всей нашей беседы, Оля, почти не отрывая глаз, пристально глядела на меня, будто на всю жизнь хотела насмотреться, ведь я была для неё частичкой, утерянной ею в детстве, Украины.

Сулейман подогнал машину. Оля вышла нас провожать. Как родную, обнимала она меня, целовала и плакала. Мы отъехали. Я оглянулась назад. ОЛЯ, сложив руки на груди, стояла, как окаменевшая, КАК ПАМЯТНИК, ВЫЛИТЫЙ ИЗ ПЕРЕЖИТЫХ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ. Я ЗАКРЫЛА ГЛАЗА. И ВОЙНА ПРЕДСТАЛА ПЕРЕДО МНОЙ ЕЩЁ В ОДНОМ СТРАШНОМ ОБЛИКЕ ИСКАЛЕЧЕННЫХ СУДЕБ. Они проплывали в памяти, как на экране, сменяя одна другую, отзываясь в сердце то болью пережитого этими детьми в первые дни войны, то радостью за тех, кто обрёл очаг и родительскую заботу.

Вспоминая узбекские семьи, тех, кто воспитал, отогрел души сирот, становилось на сердце теплее и думалось, что никто не сможет сломить народ, у которого есть такие люди.

На фотографии Шарифа Муминова : ученицы школы имени Тельмана в городе Бухаре. Большинство из них - дети из эвакуированных в Узбекистан семей во время Великой Отечественной войны.

Содержание

Предисловие.....
Эркин ака.....
Украинец - сын Шамахмудовых.....
Алексеева Ира – дочь Абдулаевых.....
Усто Комил.....
Семья Шараповых.....
С кем останется Вера?.....
Зов поисковцев услышали в Норильске.....
Нина из кишлака Дурмен.....
Посланный Богом.....
Мать - героиня.....
Скорей, пока не разобрали.....
Хосият.....
Роза Люксембург.....
Вместо двадцать восьмого - двадцать второе...
Сестрёнка Оля.....